Предисловие

Уважаемый читатель! Вы держите в руках не совсем обычное научно-литературное сочинение. Как автор, выступаю перед вами одновременно в двух качествах – как ученый и как писатель. В ипостаси писателя выношу на ваш суд два композиционно взаимосвязанных между собой и синтетичных по жанру, сочинений – роман «Тегерек» и роман «Проклятье Круга Зла». В ипостаси ученого выношу на суд свое понимание мировой значимости мифа и неомифа. Если художественные произведения представляют собой, соответственно, мифологический и неомифологический нарративы (Глава I), то научная часть (Главы II-IV) посвящена конструированию и осмыслению, как мифа, так и неомифа с обобщением соответствующих опытов их деконструкции, символизации, концептуализации, философизации, семантизации, сакрализации.

В чем заключается необычность сочинений? Прежде всего, нарративы представляют собой новый синтетический жанр научно-философского толка, тексты которых порождены авторским мифосознанием и представляют собой не что иное, как индивидуально-авторское смысловое и структурное единство, адресованное читателю. То есть они воссозданы через призму индивидуального авторского видения с целью целенаправленного создания, вначале мифа, а затем соответствующего ему неомифа. Для чего это было сделано? Прежде всего, для воздействия на читательское сознание через раскрытие смысла новых вызовов и угроз, связанных с проблемой Зла и борьбы с его проявлениями. Юнгианская тень присутствует всегда, в том числе как проявление зла. Поэтесса Анна Ахматова писала: - «Будущее, как известно бросает свою тень задолго до того, как войти». Исламский богослов Ибн Таймия говорил: - «Не полагайтесь слишком сильно на кого-нибудь в этом мире, потому что даже ваша собственная тень покидает вас, когда вы в темноте». Понятно, что здесь невозможно обойтись без теории, а потому мною выбран стиль целенаправленного научно-художественного дискурса писателя и философа в одной голове.

Какова идея и что за пафос произведения? В чем заключается логика сочинения? На эти вопросы даны исчерпывающие ответы со стороны многоуважаемых мною редакторов академика О.А.Тогусакова и академика М.А.Сагымбаева, а также эксперта академика Ы.М.Мукасова, имена которых широко известны в научном мире науки, философии, мифологии, культурологии, экологии человека. Вполне допускаю, что моя книга, возможно, смутит и озадачит читателей, ибо, она написана, с одной стороны, в новом, так называемом синтетическом жанре (роман-миф, роман-предостережение), а с другой – представляет собой результат конструирования и комплексной научной верификации мифа и неомифа (деконструкция, символизация, концептуализация, философизация, семантизация, сакрализация). Надеюсь, что любой предвзятый читатель поймет правду того, что, казалось бы, непритязательные художественные сочинения автора, оказывается, во-первых, содержат заметный комплекс актуальных философских проблем, а, во-вторых, философия оказывается окружает нас всюду и везде, что даже на сельской периферии где-то там

Богом забытом краю, мы сталкиваемся с ней каждодневно. Впрочем, автор далек от того, чтобы навязывать свое понимание и свои философские доводы кому бы то ни было. Надеюсь, читатель сам сделает соответствующие выводы, проявив уже некую причастность к философии. Нужно всегда иметь в виду то, что именно после процедур деконструкции, символизации, концептуализации, философизации, семантизации, сакрализации миф или неомиф будет включен в ткань научно-мировоззренческой культуры.

Один из мудрецов сказал: - «Мало знать путь, нужно суметь по нему пройти». В свое время Л.Н.Гумилев писал: - «…то, что ценой жизни устанавливается ученым-исследователем, обывателю зачастую непонятно и неинтересно. А то, что выдумано с расчетом на уровень читателя – легко усвояемо». Как сделать так, чтобы интересно и понятно донести до ума читателя научные знания? Считаю такое возможным, если использовать триадный принцип познания. Здесь я сошлюсь на свое научное открытие [«Закономерность формирования и развития современной научно-мировоззренческой культуры («Теория Ашимова»). – Диплом на открытие №67-S. – Москва, 2018]. Так вот, при помощи непрерывного, последовательного, динамичного и трехфазного познавательного процесса («популяризация», «концептуализация», «философизация») осуществляется перенос моделей знания из менее развитого в более развитое, в конечном итоге, определяющий процесс «приращения» новых знаний в культурную ткань человечества. Именно такой уровень мироощущения и мировоззрения придаст каждому из нас уверенность в том, что наши мысли научились летать и имеют свои горизонты, что мы уже причастны к философии.

Что означает причастность к философии? Если мы внимательно всмотримся в лица архаичных кара-кулов из романа «Тегерек», то сможем увидить самих себя. Логика такова, что «край каньонов и пещер» – сакральная малая родина кара-кулов не имеет отношения к реальной географии, но путь в этот незнаемый, Богом забытый край, ведет в глубины сознания нашего сознания, внутреннего «Я» каждого из нас, независимо кто мы, откуда мы и куда мы направляемся. Вот почему, книга, как мы полагаем, представляет собой лишь возможность «прочесть» утраченные страницы прошлого, вспомнить былой Дух, Сакральность, Нравственность, Мировосприятие, не забывая при этом, что мы уже живем и будем жить в Новом эсхатологическом мире настоящего и будущего.

Понимаю, что мы «замахнулись» на кардинальную и вечную проблему человечества – проблему Зла и борьбы с ним. Разве есть более актуальный эсхатологический феномен современности, чем Зло? Зная и понимая концепт Зла, суть фабрики Зла в контексте, как онтологической недостаточности самого человека, так и АнтиСистемы в целом, нужно искать пути элиминации Зла, борьбы с ним в любом его обличьи. В этом плане, философия – это не знание, а действие. Немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте писал: - «Где ярче свет — там тени гуще». Как это следует понимать? Логика такова, что уже в архаичные времена кара-кулы понимали исключительную сакральность познания мира и самого себя, как способ преодоление Зла во вне и внутри себя, как путь ликвидации Зла, ведущий в глубины сознания каждого из нас.

Вот почему, книга, как мы полагаем, представляет собой лишь возможность «прочесть» некие утраченные мысли и пути сохранения и укрепления Духа, Сакральности, Нравственности, Мироощущения.

Много сотень лет не принимает на себя охранная тропа вокруг горы Тегерек тяжести шагов кара-кулов. Забыли о них солнце, звезды, тогда как сам край каньенов и пещер о них помнит, печалится, восхищается. Знаменитые предки кара-кулов молчат, но в их молчании есть свои откровения. Те самые драматические моменты в жизни тех самых поколений кара-кулов с застывшим отблеском боевой победы над кровожадным ажыдаром, погребения ажыдара и создания горы-саркофага Тегерек запечатлены теперь уже в генах поколений, в мифе и преданиях. Судьбы поколений взаимоувязаны и такой феномен, как Зло, им знаком не по наслышке. Вот так, судьбы маленького рода-племени становится отблеском судьбы всего человечества. Такова была авторская задумка при создании, вначале мифа, а затем на его основе – неомифа.

В чем заключается новизна нашего подхода? Наверное в том, что, как правило, философы приступают к осмыслению и обобщению уже имеющегося материала от писателя. Естественно, при этом философы пытаются несколько умозрительно определить содержание поставленных писателем вопросов, когда почти всегда бывает трудно четко сформулировать саму проблему. Другое дело, когда сам философ конструирует художественный нарратив с четкими вопросами для осмысления и обобщения: во-первых, сформулировать какого рода предметы и явления должны существовать ради них самих? Во-вторых, какого рода действий мы должны совершить, чтобы найти решение проблемы? Вот почему одним из главных подходов к проблеме является: «посадить» (гипотетически) философа и писателя в один рабочий кабинет; «совместить» (гипотетически) философию и писательство «в одной голове». Разумеется, реальный эффект будет лишь тогда, когда произойдет «совмещение» философа и писателя в личности одного человека. В ипостаси писателя он создает художественный нарратив, а в ипостаси ученого и философа своеобразную технологию, когда несколько операционных смыслов (деконструкция, символизация, концептуализация, философизация, семантизация, сакрализация) интегрируются в новый смысл, который в сознании индивида предстает уже как новое идеальное содержание.

Итак, представляем вашему вниманию первый опыт научно-философского конструирования мифа и неомифа, а также первый опыт их всесторонней научной «верификации». Допускаю, что читатель после прочтения скажет о том, что книга написана «двумя голосами» (писатель плюс философ) и между ними общение получилось слабым или даже неадекватным. В этой связи, призываю читателя обсуждать в основном саму идею и проблемное содержание жанра, а не допущенные огрехи словесных формул, кстати, изобретенных не мною. Самый предвзятый читатель убедится в том, что мною использован в той или иной мере правильный риторический прием: обобщить сказанное авторами, сопроводить их цитаты, как ссылкой, так и своим авторским текстом, представляющим уже собственную позицию и точку зрения, а также привести определенные доводы в их пользу.

В процессе написания книги не раз и не два задумывался, что выражение плохо продуманных субъективных мыслей – не самая страшная ошибка. Ошибка, когда из формулы «я говорю / они говорят» выпадает именно вторая часть. Возможно, текст читается и понимается нелегко, ведь книга отличается от других тем, что в ней нет бытовой приземленности, а посвящены она вечно актуальной и достаточно сложной философской проблеме, к которой не каждый найдет в себя смелость «сунутся». С другой стороны, весь текст – это попытка прислушаться и понять позицию тех, кто мыслить иначе. Такой подход, как мне кажется, помогает читателям понять не только то, что побудило нас поднять эту тему, но и что мы вносим на рассмотрение широкого круга читателей и специалистов соответствующего профиля.

Ашимов И.А.

Введение

В чем заключается идея и пафос предлагаемого сочинения? Кому оно адресовано? Что хочет сказать или доказать автор? Что он пытается до нас донести? С какими идеями полемизирует автор и какие собственные доводы он приводит в ответ? Прав ли автор в интонациях и акцентах? С подобных вопросов, как правило, читатель начинает обсуждать произведение. Постепенно, в процессе чтения указанные вопросы в той или иной мере снимаются и лишь в конце прочтения читателю, возможно, в той или иной степени удастся сформулировать то, что можно назвать точным обобщением основной идеи автора.

Почему акцент делается на мифологию? В чем заключается скрытый смысл неомифа, как результат деконструкции исходного мифа? Какова значимость современного мифотворчества? Какова нынешняя технология мифопоэтики? Что собой представляет новый жанр роман-миф или роман-предостережение? Какова стратегия научной «верификации» мифа или неомифа? Читатель не может не задаваться подобными вопросами, вникая в суть книги. Постепенно, в процессе осмысления мифа и неомифа вопросы в той или иной мере также будут сниматься и, возможно, лишь теперь, когда читатель понял идею автора, возникает следующий вопрос: что мы сами можем сказать по этому поводу?

В чем заключаются истоки данного труда? В литературе рубежа XX-XXI вв. наблюдается тенденция использования архаичных мифов для изображения современной жизни и делается попытка объяснять происходящее через обращение к мифу. На новом этапе развития и национального сознания нашего общества, безусловно, также возрос интерес к мифу и неомифу. В этой связи, очевидно и то, что возросла актуальность философского их осмысления. Следовательно, в науке, культуре, обществе актуализировался этот тип дискурса. В этом аспекте, понятна основная причина всплеск интереса к мифотворчеству - творческие люди, несущие в народ духовную пищу, наконец, начали осознавать свою миссию – стать в той или иной мере мифотворцем. «Мифотворчество есть живая, реальная функция цивилизованного человека», - писал Юнг К.Г. По мнению многих исследователей, именно через миф человек пытается

отыскать примеры в прошлом, в которое он «погружается», а вынырнув из него по-новому осмысливает настоящее и будущее.

В чем заключается пафос нашего сочинения? Очевидно, природа людей такова, что очень часто они остаются слепым и глухими к мыслям своих предков. Даже если применить современные технологические способы восполнения потери памяти, что-то, а может быть и нечто, будь то важнейшие, галактического значения знания и человеческий опыт, будь то сакральные заклинания наших, в чем-то дальновидных предков к своим потомкам, будут забыты. Мы то знаем, что даже бесценное наследство, дорогие образы, память близких и родных безвозвратно теряются даже в течение жизни одного поколения. А ведь речь может идти о таких феноменах человечества, как Зло, с его проклятьем вечного возвращения.

Здесь следует отметить, что главным предметом книги является проблема Зла: вечность и цикличность Зла, фабрика и конвейер Зла, пути и способы борьбы с его проявлениями. Тысячелетиями оставались актуальными такие вопросы: что такое Зло? В чем заключается его природа и смысл? Как прервать неизбежность Зла? Когда-то, В.Розанов в своей книге «Апокалипсис нашего времени» писал: - «…Есть в мире какое-то недоразумение, которое, может быть, неясно и самому Богу. В сотворении его «что-то такое произошло», что было неожиданно и для Бога. Что такое произошло — этого от начала мира никто не знает, и этого не знает и не понимает Сам Бог. Бороться или победить это — тоже бессилен Сам Бог. Так и планета наша. Как будто она испугана была чем-то в беременности своей и родила «не по мысли Божьей», а «несколько иначе». И вот «божественное» смешалось с «иначе». Речь то идет о вечном проклятии абсолютного Зла.

Все надеются, что XXI в. станет веком духовных достижений, которые будут несоизмеримыми по своему значению с материальными, что духовные открытия полностью перевернут наше мировоззрение и сделают нас лучше. Между тем, человечество не раз «переживал» ценный исторический опыт «наступания на грабли». Понятно, что наш мир не совершенен, несовершенны и люди, а потому вероятно то, что мы будем вечно совершать ошибки. Но как научить людей избегать повторения глобальных ошибок? Как разорвать Круг Зла? Вот в чем вопрос, над которым бились мыслители многих поколений. Как прервать проклятье Круга Зла? Найдем ли ответ на этот глобальный вопрос, найдем ли его решение?! Нужно учесть, что в обществе, в котором мы живем, очень и очень много людей, которые воображают, будто оно может стать иным. Наивность!? Но, тем, не менее… Однажды ступив на путь познания, не остаётся иного выбора, кроме как идти по нему всё дальше и дальше. Многие мыслители предлагали свою теорию зла, в которых отражена попытка объединить и примирить два древних и, на первый взгляд, противоположных понимания зла: во-первых, христианско-боэцианское (зло - есть отсутствие добра, соблазн или заблуждение); во-вторых, северно-героическое (зло – внешняя сила, с которой следует сражаться с оружием в руках). Сплетение этих воззрений в ткани произведения многих авторов порождает логику борьбы со злом на постоянной и сакральной основе, причем, прежде всего, в себя самом. Понятно и то, что сегодняшний день определяет лицо завтрашнего – поэтому мы

должны помнить о своей сакральной ответственности. Мы должны быть ответственными, преданными своему народу, так как наши потомки неразрывно связаны с нами, и от нас зависит их процветание или гибель. Нужно готовить людей с очень высоким уровнем интуиции, сознания, культуры, интеллекта, прозорливости. Таков пафос нашего сочинения.

Что хотелось бы донести до читателей? Почему пришлось полемизировать с мифологическими и неомифологическими идеями? Каковы собственные доводы? Начнем с вопроса: реальны ли мифы и легенды? И да, и нет. Четко определить понятие «миф» непросто. Согласно Ю.Е.Березкину, в научной среде сложились два основных подхода к его определению: во-первых, миф как сюжет, имеющий место преимущественно в повествовательных текстах; во-вторых, миф как концепция, набор убеждений и представлений, не требующих научных доказательств (миф-концепция). Для исследования важны оба подхода, поскольку всякий миф-концепция оформляется в повествовании (нарративе) и именно в виде текста представляет особую ценность для исследователя. Так или иначе, мифы больше похожи на древние тексты великих Мудрецов, которые рассказывают нам о нашем прошлом, о настоящем современном мире и даже о будущем. Они как символы. Чтобы их понять изнутри, нужно иметь немного другой разум, совсем другие знания. А чтобы понять истинный смысл символов того или иного мифа или легенды, нам нужно пройти сквозь их текст, нужно проникнуть вглубь разума того существа, кто их сочинял. Только так мы сможем понять тот истинный смысл, который они хотели нам передать.

Миф, который изложен в данной книге своими символами дал нам более простое знание о борьбе со злом. Разве не заложен в этом смысл? В романе «Тегерек», проклятье Круга Зла мы считали фантастикой, но в романе «Проклятье Круга Зла» она уже оказывается для нас самой настоящей реальностью, от которой нам не уйти. То, что в книге осуществлена первая попытка расшифровать символы Круга, это не случайность. Через них удается реально увидеть то, что нас ждёт в нашем настоящем и в будущем. А это подталкивает нас к смене приоритетов жизни, к развитию духовности.

Общеизвестно, толкование смысла и содержания мифологического дискурса зависит от избранного исследователем подхода к исследованию мифа и мифологического дискурса. В исследовании символов мы осуществили попытку объединения научного знания и простого смысла мифа. Мы использовали методологию оценки интервала абстракции (пределы рациональной обоснованности той или иной абстракции и границы применимости, установленные на базе огромной информации, касающиеся той или иной проблемы) не только итератизма зла, но и онтологической недостаточности человека. Итератизм (в пер. с санскрипта – повторяемость, кругообразность). Наша абстракция объединяет эти понятия с понятиями познавательных кругов. Насколько удалось связать интервалы абстракции в единую конфигурацию «зло – противодействие злу» судить читателям.

Как известно, А.Ф.Лосев разработал неклассическое представление о значении символа как точке встречи означающего и означаемого, вводя, тем самым, момент тождества означающего и означаемого, как значение символа.

Такой подход позволяет увидеть значение символа как неравновесную самотождественность его, результатом которой является конструирование нового значения. Тем самым снимается вопрос о тождественности символа и обозначаемой символом объективной действительности и вводится вопрос о людях, которые через символ воспринимает и выражает действительность. В этом аспекте, в подтексте книги – это гора-символ Тегерек (в пер. с кырг. – Круг) и символ Зла - Аджыдар (в пер. с кырг. – Дракон). Оба этих символа – это схематичное, отвлеченное, многозначное отображение образа интерпретируемого предмета, понятия или явления.

«Тегерек» и «Круг» - симулякры, имеющие два различных значения в зависимости от репрезентативной и нерепрезентативной модели применения. В результате семантизации на смену реальности (Тегерек) приходит гиперреальность или иначе симулятивная реальность (Круг). По сути, в неомифе понятие «Круг» присутствует понятие «Тегерек», как повторение самого себя. В неомифологических текстах показано, что Зло возвращается, как одно и то же явление, но уже в условиях условной различности и многообразия (Ажыдар ↔ радиация). Круг – есть символ не только единства, бесконечности и постоянного возвращения к самому себе, но и несовершенства мира и равнозначности антиномических его феноменов (Сфера/АнтиСфера, Добро/Зло, Система/АнтиСистема, Хаос/Порядок и пр.), так как его центр везде, а окружность – нигде.

В целом, миф — это история в символах. Когда-то созданные мифы способны видоизменяться, принимать разнообразные формы, становиться идеологией, эталоном, моделью, программой, видением, принципом, заповедью. На определенные мифы, руководящие поведением индивида и коллектива, ориентируется человеческая психика. В этом плане, основная претензия мифа — исправление бытия, его коррекция, компенсация и попытка идеально реализовать желания и стремления, неосуществимые в прежней жизни. Поскольку миф является ментальной конструкцией, он реализуется в идеях, которые затем оформляются в некую идеологию. Лишь после того, как набор новых идей, направленных на преодоление противоречий мифа и реальности окончательно отливается в завершенную и стройную идеологию, наступает этап сакрализации мифа.

Надо всегда помнить одну истину: природа знает причинность, но не цель, а потому добро и зло — исключительно человеческие построения. В этом отношении онтологическая недостаточность человека является фабрикой зла. Как преодолеть эту недостаточность? Будущее, как известно, бросает свою тень задолго до того, как войти. А может ли познание выступить универсальной системой против Зла? А с другой стороны, «где ярче свет — там тени гуще». Каково соотношение у людей природного инстинкта, интуиции, здравого смысла, абстрактного воображения, таланта, проницательности. Добро и Зло следует рассматривать как Систему/АнтиСистему. Питаю втайне надежду, что мой интерес к этим проблемам наведет некоторых на мысль о необходимости противодействия злу, но и эволюции человеческого сознания.

Почти у любого из нас, которые не лишены творчества, есть способность, которую называют воображеньем. Настоящее слишком живо раздражает ее,

когда же нужнее спокойный и вдумчивый «анализ-синтез» всей массы информации. Иначе говоря, нужна аналитика - больше выводить, чем выдумывать. Конечно же жаль, вместо того, чтобы задумываться над смыслом послания, которое несут мифы, многие исследователи предпочитают деконструкцию и развенчания мифов. Есть два противоположных мнения: с одной стороны, гонители мифов, утверждающие, что пора покончить с мифологическими недомолвками, с иллюзиями, с отупляющими народ и разжигающими страсти мифами, поскольку, чем их будет меньше, тем лучше; с другой стороны, психологи-юнгианцы, полагающие, что мифы — неизбежный и специфический элемент человеческой жизни. По мнению Е.М.Мелетинского, мифология способствует восприятию непонятного, объясняя окружающую действительность посредством более понятных средств.

Нужно отметить, что мир переживает время реабилитации мифа и, как следствие, ремифологизации гуманитарного познания, пришедшей на смену демифологизации науки. Доказано, что миф какой-то своей частью входит в существо философии и, явно или скрытно, влияет на создание и выражение ее истин. Иначе говоря, философия и мифология вместе создают теоретическую кольцевую конструкцию - идеальную форму взаимодополнительности Мифа и Логоса. Формула «От Мифа к Логосу», в известной мере подчеркивает сущность генезиса философии. Она подводит нас к истокам философии, к тому моменту, когда определилась новая форма мировоззрения, снявшая противоречия внутри мифа и между мифом и новым специальным знанием. По общепринятому определению, Логос – это тот закон, который придает миру системность, субстанциальность и развитие. Что же означает движение от мифа к логосу? Во-первых, это движение от слитности субъекта и объекта к их различению; во-вторых, это движение от разграничения Я от не-Я к четкому пониманию их взаимооппозиции; в-третьих, это движение от представления к понятию; в-четвертых, это движение от предмета к образу; в-пятых, это движение от мироощущения к миропониманию.

Следует отметить, что существуют самые различные концепции перехода от Мифа к Логосу, то есть от одного типа мировоззрения к другому. В частности, мифогенная теория утверждает, что миф рассматривается как аллегория, за которой стоят реальные события, подлинные исторические факты. Согласно этой теории, философия – это та же мифология, но выраженная на ином языке. Гносеогенная теория утверждает, что взгляд на мир сформировался на основе научно-теоретического знания, развивавшегося вне мифологии, и был следствием обобщения реального опыта. Гносеогенно-мифогенная теория утверждает, что, с одной стороны, внутри мифа имеются элементы здравого смысла и опыта, а с другой стороны, вне мифологии существуют элементы научного знания. Историко-психологическая теория утверждает, что все происходящее имеет рациональное объяснение и проецирование его на бытие в целом.

Важно заметит, что, независимо, какова концепция мифа, имеет исключительное значение способ его выражения. Нами выбран стиль художественно-философского сочинения. Как известно, налет литературности присущ почти любому философскому произведению – независимо от способа философствования. Общепонятно, что любой философ заботится о языке своих сочинений:

во-первых, старается подобрать наиболее подходящие, наиболее точные слова для передачи своих мыслей; во-вторых, стремиться сделать свой текст как можно более понятным; в-третьих, использует риторические украшения для удержания внимания своего читателя. На сегодня сформулированы основные черты, характерные для произведений рациональных и литературных философов.

Вначале о рациональной философии. Во-первых, в текстах рациональных философов всегда можно найти мысль, которую формулирует либо сам философ, либо открывает ее читатель. Почти каждое предложение автора осмысленно, текст выражает последовательность взаимосвязанных мыслей. Во-вторых, рациональный философ старается аргументировать мысль, ссылаясь на логику и данных наук. При этом обоснования опираются на философские категории и понятия, на рациональные суждения, выводя из них следствия, то есть, по-новому освещая какие-то философские проблемы. В-третьих, рациональный философ не внушает свои идеи читателю, а посредством рациональной аргументации убеждает читателя согласиться с ними. В этом аспекте, философ строит свою работу на критике предшественников и современников, так как они, как, впрочем, и он сам не застрахован от неясности используемых терминов, внутренней противоречивости суждений, логической непоследовательности текста, слабой доказательности и пр.

Литературная философия отличается от рациональной философии по следующим критериям. Во-первых, если для рационального философа главное – это мысль, последовательность мыслей, а язык, слово важны для него лишь постольку, поскольку дают возможность выразить мысль, то для литературного философа главным становится сам язык, языковая форма текста, создаваемый художественный образ, а мысль оказывается чем-то второстепенным, порой даже несущественным. Если рациональный философ сначала формулирует мысль, аргументирует ее, а потом излагает на бумаге, то литературный философ облегает предложения в слова, постепенно и образно просвечивая какую-то мысль. Во-вторых, в текстах литературной философии вместо рациональной аргументации используется внушение. То есть философ старается передать читателю какое-то чувство, на основании которого у читателя постепенно формулируется соответствующая мысль. Именно этим объясняется широкое использование художественных образов, метафор, сравнений и прочих литературно-художественных приемов. В-третьих, невозможность построить критическую дискуссию с автором, так как его мысль еще только зарождается в виде неясной догадки, и еще не обрела четкой языковой формы. В этом случае вполне объяснимо то, что формируется «мозаичный» текст, некая бессвязность, расплывчатость, умозрительность.

Если аналитическую философию можно считать типичным образцом рационального стиля философствования, то литературная философия представлена текстами философов экзистенциалистской ориентации. В их сосуществовании выражается двойственная природа самой философии, которая колеблется между наукой и искусством и стремится пробуждать как мысль, так и чувство, пользуется как понятием, так и художественным образом. С учетом сказанного выше, нами использован, так называемый компромиссный вариант –

художественно-философский текст. То есть некий сплав рациональной и литературной философии. Однако, как бы я не старался сочетать разные стили философствования, пришлось труд разделить на две части по степени доминирования того или иного стиля.

Осмысление реальности — традиционная тема философии. Человек ощущает реальность изнутри, внутри себя и извне, выступая в роли наблюдателя, созерцателя, постороннего. Сторонники естественных наук часто бывают склонны к преувеличениям: некоторые из них полагают, что наукой имеет право именоваться только наука естественная, констатирующая объективные факты, исследующая реальность при помощи измерительных приборов и обнаруживающая каузальные взаимосвязи; по этим же критериям они оценивают психологию. Психология и гуманитарные науки начинаются лишь тогда, когда наблюдения, статистические данные, так называемые объективные факты и т. д. подвергаются интерпретации, когда исследователь задается вопросом о мотивах, стоящих за поведением и чувствами индивида, группы и общества. Однако именно на этом этапе возникает мифология, поскольку зафиксировать психологический феномен можно только с помощью метафор, образов и пр. Что же такое философское иносказание? Это художественно-философский прием отображение одного феномена через другого путем создания метафоры. Метафора рассчитана на небуквальное восприятие и требует от читателя умения понять и почувствовать создаваемый ею образно-эмоциональный эффект. В книге автора, по сути, речь идет о способе образования новых философских категорий.

Многие философы считают, что мифы – это чистый вымысел, составленный кем-то с заранее определенной целью. В некоторых мифах содержится зерно истины, однако, среди огромного числа двусмысленностей и искажений это зерно совсем теряется. Между тем, сам миф все равно сохраняет некоторую атмосферу правдивости. В этом аспекте, мифы нужно хорошо осмыслить, обосновать, то есть «подогреть», прежде чем в них вспыхнет огонек убедительности. Такова логика действий создателей мифов. Так как, мифы лежат в основе оценки событий, то ясно, что мы никогда не сможем верно понять такую оценку, пока не рассеем иллюзорной подоплеки и не заменим ее истиной. Справиться с этой задачей могут в первую очередь философы. Во все времена философы в пух и прах разносили мифы, анатомируя и объясняя их сущность и выковыривая из них истину.

Признавая то, что фабрикой Зла является не что иное, как онтологическая недостаточность самого человека, мы искали ответ на вопрос, как ликвидировать истоки Зла, попытавшись переделать главную эту причину через Познание самого себя и окружающий нас мир, через Духовность. В мире, как писал А.Шопенгауэр, одинаковых людей не бывает. Различие людей может быть сведено к трем основным категориям: что за личность? что он имеет? что он представляет собою? Автор убеждает нас в том, что «то, что находится внутри нас, более влияет на наше счастье, чем то, что вытекает из вещей внешнего мира», то есть мир, в котором живет человек, зависит, прежде всего, от того, как его данный человек понимает, а, следовательно, от свойств его мозга. Именно индивидуальность определяет меру возможного для него успеха, бла-

гополучия, признания, счастья. Причем, на первом месте стоит духовные силы, а затем образование. Понятно, что человек с избытком духовных сил живет богатой мыслями жизнью, сплошь оживленной и полной значения. Именно у такого человека сохраняется потребность учиться, видеть, образовываться, размышлять. Богато одаренный человек живет, наряду со своей личной жизнью, еще второю, а именно духовною, постепенно превращающуюся в настоящую его цель, причем личная жизнь становится средством к этой цели, тогда как остальные люди именно личную жизнь считают целью. Таким образом, человек гораздо менее подвержен внешним влияниям, чем это принято думать, а потому использовать свои индивидуальные свойства с наибольшей выгодой, сообразно с этим развивать соответствующие им стремления – это и есть истина. Однако, в жизни происходят самые невероятные проявления индивидуальности, характеристиками которой являются определенное соотношение таких психологических феноменов, как природный инстинкт, интуиция, здравый смысл, разум и рассудок, способность к абстрагированию, проницательности, и наконец, таланта и гениальности.

Умственно недалекий человек может добиться впечатляющих успехов в различных сферах деятельности только из-за того, что обладает хорошими природными инстинктами, помогающими ему вовремя сориентироваться в жизненных ситуациях. Напротив, человек с высокими умственными способностями, но не имеющими природных инстинктов, может упустить жизненные возможности. Или взять другой пример. Малообразованный человек от природы с небольшими умственными способностями, но живущий по принципу здравого смысла, может достигнуть в жизни много, тогда как одаренный и интеллектуальный человек, прозябать в жизни из-за того, что живет, не соблюдая этот принцип. Однако, в любом случае тупость ума всегда сочетается с притупленностью впечатлительности и с недостатком чувствительности, а эти свойства делают человека менее восприимчивым к страданиям и печалям. Наоборот, нескончаемый поток мыслей, их вечно новая игра по поводу разнообразных явлений внутреннего и внешнего мира, способность и стремление к все новым и новым комбинациям их — все это качество одаренного ума.

Кому предназначено наложить отпечаток своего ума на все человечество, для того существует лишь одно счастье: иметь возможность развить свои способности и закончить свои труды, и одно несчастье: не иметь этой возможности. С другой стороны, ум, далеко превышающий среднюю норму, есть явление ненормальное, неестественное. Если же сочетаются материальный достаток и великий ум, то в этом случае счастье обеспечено, такой человек будет жить особою, высшею жизнью, так как он застрахован от обоих противоположных источников страданий — нужды и скуки. Ну, а если он материально не обеспечен? Следуя вышеприведенной логике, судьба человека зависит от удачного соотношения ряда феноменов: природного инстинкта и интуиции; здравого смысла и рассудка; способности к абстрагированию и проницательности; гениальности и трансцендентного воображения? Не является предпосылкой зла именно неадекватное соотношение этих феноменов в том или ином человеке? Ставя такие вопросы, я подумал, что теперь более, чем когда-либо,

нужно обнаружить с наружу всё, что есть внутри, чтобы понять, из какого множества разнородных начал состоит наша природа.

Философский анализ мифа о Тегерек будет идти следующим образом. Прежде всего попытаемся установить действительный смысл этого мифа. Потом сравним этот смысл с философских учений об Абсолютном зле. После выявим, какие утверждения миф заранее предполагает и какие из него следуют. И, наконец, необходимо ясно показать воздействие мифов на поведение и поступки человека. Учения о Зле носят подлинно философский характер, так как принадлежат к наиболее широким обобщениям. А теперь пришло время пригласить читателя заглянуть в глубь вопроса, независимо от того, стал ли он философом по выбору, по случаю или по склонности.

Кто же такой мифотворец? Прежде всего, это идеальный планировщик бытия, расписывающий реальность, отсекая лишнее и додумывая отсутствующее. Он аргументирует, убеждает, выступая, одновременно, резонатором и толкователем мифа. Мифотворец, конструируя неомиф, выступает не только архитектором времени и пространства, связывая их в прошлое, настоящее, будущее, но и архитектором новых смыслов. Из колоды рассыпающихся смыслов архаичных мифов. Между тем, в авторской книге, надо признать, это весьма интересная рефлексия ученого и философа с его попыткой реферативно описать мир Абсолютного зла и миропрактики борьбы с ним. Нельзя не отметить, что автор выступает и в качестве реаниматора утраченного смысла или проблем запоздалой родовой идентификации. Что это даст? Чтобы строить свои родовые истории? А может быть порождать и выпускать своих ажыдаров?

В чем заключается логика сочинений? Нужно отметить, что процесс осмысления мифа, а также конструирования неомифа осуществляется в форме поступательно-возвратного движения. Так, поняв одно в исходном романе «Тегерек», а также в романе «Проклятье Круга Зла», которых, как было сказано выше, следует воспринимать как нарратив опыта деконструкции мифа, мы, с опорой на них можем сконструировать другое, а затем от другого возвратиться к первому. В результате такого движения процесс интерпретации приобретает циклический характер и постепенно продвигается вперёд к полному истолкованию всего текста и созданию на этой основе неомифа. Разумеется, при условии, когда метафоры содержательно и логически согласуются с другими элементами соответствующей структуры, если смысл этой структуры оказывается непротиворечивым, лишь тогда образуется цельный смысловой контекст неомифа.

Возможность такого взаимообусловленного и прогрессивно развивающегося процесса обеспечивается тем, что каждый фактор во всяком цикле этого процесса приобретает некоторую долю новой информации, с помощью которой удаётся сформировать новую долю информации о другом факторе. Затем эта процедура реализуется в обратном направлении, и мы получаем новую информацию о первом факторе. Такова, как нам кажется, технология конструирования неомифа. Итак, информация об одном из факторов постепенно пополняясь, создаёт предпосылки для увеличения информации о другом факторе. Такое, скажем «парциальный» способ преодоления информационной недостаточности движется по кругу, приобретая новый, более высокий уровень

обобщения. Так создается теория кругов или предвестник создания нового учения, название которому итератизм (от слова цикличность).

Теперь, что касается знака или символа Круга. В нашем случае, круг - это содержательная единица сознания, мысль, связанная с явлением нескончаемости Зла. Разумеется, круг содержит в себе самые общие сведения о предмете без намёка на какое-нибудь специальное предназначение, направленность. А если рассматривать круг, как единицу в качестве связки подсказывающую возможную этимологию термина «смысл»? Как известно, у смысла есть функция — достичь определённого результата или эффекта. Он оказывается наделённым определённой значимостью, ценностью для взаимодействующих в процессе коммуникации людей, являясь аксиологическим, социокультурным и ментальным феноменом.

Как сделать так, чтобы интересно и понятно донести до ума читателя научные знания? Автор считает такое возможным, если использовать триадный принцип познания: популяризация →, концептуализация → философизация. Как ученый-философ, как писатель-фантаст из романа в роман («Пересотворить человека», «Грани отчаяния», «Тегерек», «Биовзом», «Развенчание мифов», «Фиаско», «Клон дервиша», «Биокомпьютер») создал целую галерею персонажей, представляющих научный мир, которым подвластны смелые научные эксперименты. Разумеется, были у них завистники и оппоненты, которые считали, что авторские идеи слишком абстрактные, отражают абстрактность и сложность научного подхода к излагаемым проблемам. Но интересен не столько анализ художественного уровня научно-фантастических романов автора, сколько анализ культурной мифологии медиатекста, то есть выявление и анализ сконструированных автором мифов и легенд. Разумеется, надеюсь на понимание моих опытов конструирования и философского анализа мифов, тесно связанных с сверхактуальными проблемами современности – Абсолютное зло, эвтаназия, роботохирургия, пересадка головы, клонирование человека и пр. Между тем, взаимосвязь необыкновенных, но «подлинных» событий – один из основополагающих архетипов имеет очень большое значение, прежде всего, для популяризации науки и новых технологий, для актуализации идейных горизонтов мифов и неомифов.

Существует целый ряд факторов, способствующих реализации авторских идей: опора на мифологические источники; постоянство и вариативность метафор; ориентация на последовательное воплощение наиболее стойких сюжетных схем; синтез естественного и сверхъестественного; обращение не к рациональному, а эмоциональному; через идентификацию и стандартизацию идей, ситуаций, характеров; мозаичность, серийность, интуитивное угадывание подсознательных интересов потенциальных читателей и пр. С одной стороны, они усложняют процесс восприятия, ну, а с другой – заметно унифицируют подходы к освещению проблем.

Считают целесообразным выделить несколько этапов: Первый. Выявление фольклорных/мифологических стереотипов медиатекста. Целый ряд положительный персонажей – простых людей, живущих простой жизнью в ограниченных условиях скудного региона. На фоне положительных персонажей выделяется лишь один отрицательный персонаж – Кара-Бахши. Все события

разыгрываются вокруг противопоставление целого рода-племени и единственного отрицательного героя, тем самым показывая то, что даже одно Зло может эффективно бороться против Добра и во имя Зла. Видя то, что он – Широзбахшы не может одолеть заговоры Ак-киши-олуя по поводу заточения ажыдара он находить свою погибель из-за тайной книги. Второй. Выявление ряда кругов действий положительных персонажей и Широз-бахшы с фольклорной/мифологической основой: во-первых, круг действий Кара-молдо; во-вторых, круг действий кара-кулов – охранителей могилы Зла; в-третьих, круг действий людей, живущих рядом с кара-кулами и помогающих им в борьбе со злом. Третий. Коллективная жизнь и психология кара-кулов с фольклорной/мифологической основой. Автором выбран особый стиль повествования мифа. Можно проследить специфику изобразительного и/или визуального решения в текстах, основанных на мифах и легендах «края каньонов и пещер».

Миф есть одна из чрезвычайно сложных реальностей культуры, и его можно изучать и интерпретировать в самых многочисленных и взаимодополняющих аспектах. В романе «Тегерек» - миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена в краю каньонов и пещер. Это всегда рассказ о некоем «творении», нам сообщается, каким образом что-либо произошло, и в мифе мы стоим у истоков существования этого «чего-то». Миф говорит только о происшедшем реально, о том, что себя в полной мере проявило. Мифология – это возможность прочесть утраченные страницы прошлого, вспомнить былой Дух, Сакральность, Нравственную сущность, Мировосприятие, не забывая при этом наше настоящее.

В мифе констатирующий компонент представляет какую-либо данность: эмпирический факт, спонтанный феномен психики, мысленный конструкт. В романе «Тегерек» речь идет о горе Тегерек, пещерах, каньонах, вокруг которых сложены легенды и предания. Они выступают для людей, обитающих в тех краях, как объект чувственного восприятия, тогда как существенные характеристики их скрыты. Однако, они по этой причине вызывают у них соответствующий интерес. Из элементов, компонентов постепенно создается ткань мифа, в результате осмысления которого у людей появляется новый познавательный уровень, как переход от поверхностных представлений о явлениях к их причинам, генезису, динамике. Самыми распространёнными является компонент мифа, содержащий в себе каузальные объяснения. В романе «Тегерек» обсуждается ряд вопросов: почему, пещеру (Кара-камар, Астын-устун, Келин-басты) отождествляют с темными силами? Откуда названия Ажыдар-сай, Кара-даван, Ак-суу, Чоюнчу, кара-кулы? Целью мифа о Тегерек было формулировка неких эпистемологических и гносеологических качеств объяснения. Каким видится человеку объясняемое явление? Как человек идентифицирует это явление? Какое представление об этом явлении складывается в сознании этого человека? Между тем, чем адекватнее явлению этот образ, тем адекватнее будет и его объяснение, и наоборот. Данный образ выступает в роли детерминанта содержания объяснения, поскольку с ориентацией на него, в соответствии с ним субъект конструирует содержание объяснения.

Изначально миф о Тегерек публиковался под названием «Тегерек». Восточная культура разнолика, сложна и не всегда понятна европейцу с его осо-

бой системой ценностей. Сконструированный миф подвергся деконструкции, на основании чего была сконструирован неомиф. В нем стираются различия национальных культур, мысль автора устремляется далеко в будущее, в мировую культуру, планетарную цивилизацию. Мы акцентируем мифологическую составляющую образа «Гора-саркофаг Тегерек». Это символ в романе «Тегерек», как нарратив являет собой сложный и многозначный символ. В связи с ним возникает, прежде всего, мотив сакральной связи горы-саркофага Тегерек и саркофага, сооруженного над четвертым энергоблоком Чернобыльской АЭС. Мы постарались, органично соединить в своем неомифическом повествовании естественнонаучные знания и мифолого-символический пласт архаических событий. Мы, в нашем неомифе, актуализируем единство человека и природного мира через изображение различных проявлений абсолютного зла. Природное в художественном дискурсе имеет двойственную основу: реалистическое описание глубоко символично, каждый конкретный факт находит свое архетипическое объяснение.

Важную роль играет мифологема горы, рек, пещер, каньонов, заклятий. Особую роль в мифе играет образ пещеры, как темной пустоты, архетипически связанный с темными силами зла. Только в отличие от традиционного символа река «Ак-суу» напротив, выступает на стороне добра. Это река помимо географического фона, выступает в качестве многозначного символа избегания зла. Мною используются фольклорные мотивы гор и пещер, прежде всего, в качестве соответствующих символов: Гора – Сфера, Пещера – АнтиСфера, а не в качестве метода усиления зрелищности и эмоциональной притягательности. Мифологические и неомифологические сюжеты куда сложнее. Они дают старт посмотреть на самого себя в прошлом, наблюдать разницу текущего состояния, бросить взгляд на будущее.

Неомиф в той или иной мере насыщен символами, опирающиеся на географическую реальность, но фактически императивно над ней властвующие. Г.Гейне однажды написал: «Когда мир раскалывается надвое, трещина проходит через сердце поэта». Мы можем сказать, что, когда гора-саркофаг Тегерек раскалывается, трещина проходит через людские сердца. Старцы остро чувствуют свою миссию по борьбе с ажыдаром. Ответственность, совесть и храброе сердце – вот то, что нужно для противодействия злу в любом его обличии не только в те далекие мифологические времена, но и сейчас. Возможно, даже в большей степени, чем в прошлые века. В неомифе мы возвращались к этой проблеме уже на современном уровне с накопленным за это время более широких и глубоких познаний, и, конечно, мы должны, даже обязаны по-другому относится и действовать во имя идей, заложенных еще в сакские времена. Таков лейтмотив неомифа. Такой культуросозидающий пафос вливается в идею о создании особого учения – итератизма. Однако, мы акцентируем на то, что сама природа человеческой мысли – это ускользающая тайна, мучительная загадка…

Не секрет, что часть людей понимают утопичность наших мыслей о «новой технологии» ликвидации онтологической недостаточности людей, как фабрики Зла. В мифе словами Ашим-бава, Айсулуу-эне постоянно говориться о необходимости повышения познавательного уровня людей, о подъеме, о пре-

одолении себя через делание, освоение, улучшение мира. Так рождается мифологема «светлого будущего» как «мира без ажыдара», на основе чего нами актуализируются проблема борьбы против Зла через концептуальное развитие проблемы, как таковой и философских размышлений. В романе представлена дихотомия «Добро/Зло». Соединив реальную географию с мифологической, мы через личности положительных и отрицательных героев, их мировосприятии и жизнетворчество, попытались создать неомиф.

Итак, неомиф – это повествование определенного сюжета с использованием целого арсенала образности, в первую очередь – литературно-мифологической, на основе которого выполняется попытка ответить на вечные экзистенциональные вопросы (жизнь, смерть, добро, зло), стоящие перед человеком во все времена. Целью неомифа – это обращение исследователя к вечным универсалиям в целях реактуализации глубинных реакций человека на те или иные ценности. Они продиктованы особенностями авторской концепции, индивидуальным подходом в постановке социальных и нравственно-философских вопросов современности. Неомиф раскрывает глубинные аспекты бытия, в которых присутствует прием потока сознания, мифоаналогии, образного мышления. Неомиф – это новый вариант мифопоэтики, связанные с традицией переплетения настоящего, прошлого и будущего, где новое поиному раскрывает старое. Главная задача – это создание нового отношения к действительности путем пересмотра серии забытых миропониманий. Неомиф рождает широкий символизм, художественный образ обретает синтетическую природу, многозначность, многоплановость символа-мифа.

Тема этой книги у многих людей может вызвать непонимание или отрицание. Дело в том, что даже само понятие «Дьявол» можно встретить в очень и очень узком кругу учений. Куда больше религий признают существование «Бога» или «Богов» без всяких антагонистов. И всё же хотелось бы сказать: попробуйте прочесть данную книгу до конца, быть может, автор придает термину «Дьявол» слегка иное, скажем так, – «более глубинное» значение? А если взять за основу несколько вариантов: Антропоморфный Дьявол - некий зловещий тип, который обладает личностными качествами умного и могучего злодея, а истинный облик его очень страшен и воплощает в себе всю несправедливость и жестокость; Дьявол-отступник – это некий поток энергии, порожденный умами людей, и несущий, кому – свободу, а кому – боль и страдания. Это уже более сложная концепция Дьявола, требующая развитого воображения; Дьявол – это совокупность воззрений на мир, которые глубоко укоренились в нас, и олицетворяет боль, злобу, суету, ложь. Редко, когда человек осознанно решает, в какую модель Дьявола верить, да и верить ли вообще. Чаще всего поток жизни сам бросает нас в то или иное русло, а мы уже ставим на это штамп «Мой выбор».

В качестве мифологического нарратива или «бриколажа» нами использованы отдельные метафоричные истории, обобщенные в форме научно-фантастического или социально-философского романа. Считаем, что схема «нарратив – метафизика – философская импликация» важна для эффективной популяризации знаний, когда человеку прививается вначале метафорическое

мышление, а затем уже логическое, соблюдая диалектический принцип: от простого к сложному; от единичного к общему, через особенное.

Заранее согласен со всеми замечаниями читателя, во-первых, по поводу «мозаичности» в изложении материала, а во-вторых, по поводу того, что пришлось соединить мифологию и философию, науку и практику. Уверяю, что все это мною предпринято лишь во имя раскрутки интересной мировоззренческой проблемы. В конечном итоге получилась сюжетная линия «От Мифа к Логосу». Хочу сразу же предупредить, что все события, персонажи, имена - вымышлены, а любые совпадения – случайны. Чего не скажешь о научно-философской выкладке. Они вполне реальны, хотя отдельные утверждения спорны, по существу. Изображённые события и события изображения представляют определённую позицию автора в актуализации текстовых стратегий всех частей книги. Во многих случаях при дословном понимании вообще не оказывается объектов, описанных определением. Например, окружность - это множество точек, равноудаленных от точки, называемой центром окружности. Но в реальности нет точек, да и все расстояния измеряются приближенно.

Завершая введение, хотелось бы отметить такую писательскую уловку. В романе «Тегерек» приведены действующие персонажи названы по имени ныне живущих или недавно ушедших в мир иной соплеменников рода кара-кулов. Почему и каковы мотивы такого подхода? Нужно признать, что, к сожалению, мы полностью забыли элементарную нашу традицию – называть своих детей именами предков. Кто нас заставляет дать им арабские либо русские или иностранные имена? В мифах, легендах, преданиях народов мира считается, что каждый ребенок является реинкарнированным духом какого-то предка А ведь из-за не сохранения имен наших предков, мы сейчас кроме своего отца и дедушки дальше никого не помним, чем не повод осмыслить пагубность такого подхода к своим корням. Так и хочется попросить прощение у своих предков. «Простите нас наши предки, за то, что мы незаслуженно бросили вас в забвение, мы не смогли остаться достойными вас, мы не смогли вовремя открыть и читать ваши мысли, устремления, былые Ваши заслуги, победы, достижения! Мы находим утешение в том, что наш сегодняшний, до сих пор малочисленный род кара-кулов – это и есть ваши потомки. Поверьте, он сможет встать на ноги, исправиться и продолжит достигнутые вами высоты. Таковы суждения автора, таковы мотивы его литературно-философского сочинения.

Г л а в а п е р в а я

ОПЫТ СОЗДАНИЯ НАРРАТИВОВ МИФА И НЕОМИФА

§1. Мифологический нарратив. Роман «Тегерек»

Всего три полки с книгами – вот и всего, что осталось в квартире от некогда большой домашней библиотеки после переезда в загородный дом. Остались лишь собрания сочинений Канта, Шопенгауэра, Соловьева, Лосева, Мура, да и научные труды деда, насчитывающие пять десяток книг, расставленных на отдельной полке, которого мы у себя шутливо называли библиотекой Абсо-

лютного Знания с не менее шутливым лозунгом «Познание бесконечности требует бесконечного времени». Дед у нас ученый, философ и писатель в одном лице. К сожалению, ничего не могу сказать о самих его книгах, так как не читал, а если и прочту, то, наверняка, нескоро. Я вовсе не противник чтения книг. Нет. Но, когда у тебя на руках смартфон…. Ну, кто скажет, что это плохо? Все, что тебе интересно найдешь в приложениях, а вечный Гугл-ака выдаст тебе ответ на любой твой искущенный вопрос. А с другой стороны, что скрывать, нет да нет бывают и у меня припадки черной меланхолии, когда чтение вообще непереносимо.

Помниться, в классе десятом взялся за дедовскую книгу «Круг», но, честно сказать, прочитав десяток страниц мало чего понял, а потому чтение отложил до лучших времен. Как мне тогда показалось, какие-то архаичные, иначе говоря, наивные легенды и предания, какие-то бессвязные мысли, но изложенные с помощью связной речи, как будто бы прикидывались плодами разума и глубокомысленных размышлений по поводу каких-то сакрализованных объектах, субъектах. Так или иначе книга оказалась битком набита либо поставленными, либо спорными, либо вообще неразрешимыми проблемами сферы абстрактной философии, так, что интересного и захватывающего там я для себя не нашел. Однако, недавно взял почитать ту самую книгу мой двоюродный брат Дамир - классический сангвиник, как и я первокурсник биофака столичного университета.

- Слушай, Расул, - оказывается это интересная книга. Как ты мог пропустить? Обязательно прочти! – чуть ли не настаивал он, признаваясь в том, что, будучи в прошлом году на малой родине деда, многое узнал, повстречался со своими сородичами и, если честно сказать, для него поездка туда было своего рода открытием нового и неизведанного мира, и физического, и людского.

Хотя и Дамир не раз признавался, что нынешняя молодежь познает жизнь не через собственных переживаний, живого опыта и книг, а виртуально, через интернет и социальные сети. Нам кажется, - говорил он, - что чужие мысли и идеи вторгаются в наш мир удивительно не вовремя. Да мы и сами, по сути, иногда бываем не готовыми раскрыться им навстречу. Вот почему еще ничего не читая о том, о сем, бываем совершенно неготовыми приобщиться к переживаниям человека, уже осмыслившего и даже описавшего свое познание и опыт.

Должен признаться, что и я – максималист, как, впрочем, большинство моих сверстников, а потому плохо переношу подобные наезды. Когда от меня чего-то добиваются, да еще и ради моего же образования…. Туши свет! Да, современная молодеж – народ практичный, начитанный, признающий только факты, а потому, вполне разумно, презирающий абстрактные размышления. Да! Мы смотрим на вещи по-другому, о чем, возможно, свидетельствуют наша прямота и дерзость в поступках и поведениях, а также излишняя категоричность и поверхность в суждениях. Но, оказалось, есть много вещей, вовсе не простых, которых ты не знаешь и понять не можешь. Уже потом, после того как начал вникать в труды деда, мне, если честно сказать, стало откровенно стыдно за то, что навешивал незаслуженные ярлыки на них. Уже потом я узнал, что именно такие обидные ярлыки, бросающие тень на ученого-прогрессиста, каким был дед по натуре и работе, вывешывали на его труды

оппоненты. Дело в том, что самые оригинальные и изящные научные результаты, оказываются, сплошь и рядом обладают свойствами казаться непосвященным чрезмерно заумными, а потому тоскливо-смутными. В предисловии одной из своих книг дед приводит слова, сказанные Альбертом Эйнштейном: - «Все должно быть изложено так просто, как только возможно, но не проще». В этом аспекте, - пишет дед, - открытый мною научный закон, как бы он ни был простым, заслуживает своей непростой теории. Тут он приводит слова уже другого ученого – Ричарда Феймана: - «Если бы я мог разъяснить суть своей научной теории каждому, оно бы не стоило Нобелевской премии». В этом аспекте, - пишет дед, - моя научная теория не ответит на все вопросы даже в кабинете следователя.

Спустя год, на летних каникулах после второго курса начал было читать ту самую книгу «Круг», но опять же взыграла мое виртуальное бегство от чтения до лучших времен. Что говорить, все мы наивные метериалисты и рационалисты. Мы хотим, чтобы все было немедленно объяснено рационалистически, то есть сведено к научным фактам. А тут, как мне показалось тогда, дед в своих трудах допустил непонятное заигрывание рационального с иррациональным, что совсем уж было непонятно. Все надеялся, что при удобном случае получу от него объяснения на сей счет, а также на другие свои догадки, сомнения и суждения, в том числе и по поводу услышанного и прочитанного мною о его малой родине.

- Да, так оно, пожалуй, и началось – дома, приехавший погостить, Сагынбек-ава рассказал интересные предания и легенды нашего рода. Мне ранее никогда не приходилось бывать на малой родине деда и бабушки, а потому было что послушать не без удивления. Откровенно говоря, сейчас мне стыдно за то, что общался без всякого личного интереса с сородичами, которые бывали у нас дома, а сородичей, которые проживали в аиле, вообще не имел ни малейшего представления. И вот, в один из дней летних каникул дед объявил нам с Дамиром: - Чтобы ликивидировать такой позорный пробел в вашей жизни, беру вас с собой в Ляйляк.

И вот мы на малой родине деда. Забегая вперед, хочу сказать, что там, я раз за разом убеждался в реальности многих событий из рассказов деда, бабушки, родственников. Если раньше я был просто зрителем, наблюдавщим за жизнью своих сородичей на расстоянии, то сейчас я узнавал о них воочию и из первых рук. Действительно, этот край, которого дед называет «краем каньонов и пещер», оказался удивительным миром, таящим в своих уголках столько интересного и неизведанного, аж дух захватывает. Дамир был прав, когда после поездки в Ляйляк говорил, что он для себя открыл неизведанный мир. Действительно, мои сородичи были людьми другого мира, которого до настоящей пары лично не знал и, пожалуй, не понимал. Прав Дамир и в том, что в действительности мы не знали и не могли понимать, как и чем живут люди в аилах, в далеких уголках твоей же родины, мы не могли понять и ценить, что значить для этих людей добро и зло, свет и тьма, не могли понять то, как они осмысливают мир, учение, культуру.

* * *

В тот год лето на редкость было не жарким. Тем не менее, подождав пока спадет полуденная жара, Сагынбек-ава, Суванкул-ава, Дамир, дедушка и я, ближе к вечеру выехали из Исфаны. Пыльная грунтовая дорога Исфана – Джар-кишлак серой лентой вьётся среди адыров и небольших предгорий. После получасовой езды, выехали на открытое пространство. Сагынбек-ава остановил машину у единственного дерева, растущего на перекрестке двух дорог. Это был густой раскидистый чинар, как говорят у нас тупсад, в тени которого, как сказал Суванкул-ава, путники обязательно останавливаются, чтобы не только передохнуть, освежится, но и полюбоваться окружающей природой.

- Эта местность называется Талпак, - сказал он, поясняя, что слово «талпак» означает возвышенная плоскость или же широкий простор.

Действительно, Талпак и был настоящим простором, отсюда открывался панорамный вид на все четыре стороны света. Создается впечателение, что именно отсюда во все стороны вкруговую простираются долины, пашни, поля, мелкие адыры и лощины. Далеко-далеко на юге и западе они упирались в основание гряды белоснежных гор, а на востоке и севере простираются до основания скалистых адыров и пологих пригорок и лощин между ними.

- Вон та высокая гора с крутыми склонами, покрытая арчовыми лесами, называется Кайнар, чуть правее высится сопка Кутчу, - пояснял Сагынбек-ава, показывая на юго-запад. - На склонах этих гор наш род издавна устраивает летовку. А вон видишь, позади этих гор тянутся хребты, покрытые уже снежными шапками – это продолжение Туркестанского хребта. За ними лежат уже таджикские земли.

Сидя в тени чинара, я подумал: - Теперь понятно, почему путники останавливаются здесь, чтобы передохнуть, полюбоваться. И на самом деле, здесь было на редкость свежо и прохладно, густая тень дерева, открытое во все стороны простор и постоянный освежающий ветерок со стороны гор, как бы зазывал путников передохнуть от пыльной дороги и духоты. Наверняка, увиденная отсюда панорама природы никого не оставляет без приятного впечатления и удовлетворения. Между тем, это оказалось лишь одним оттенком серого. Настоящий контраст ждал нас впереди.

Немного отдохнув от жары, мы вновь загрузились в машину и поехали. Метров через тридцать отсюда дорога совершенно неожиданно для любого человека, как бы уходит вниз по серпантинам. Такое ощущение, - подумалось мне, что дорога проваливается в каньон и, вместо только что зримого и необъятного простора Талпак, вдруг и сразу взору представляется уже мрачные высоченные каменные стены, как бы давящие на человека со всех сторон. Такое ощущение, как будто человек попадает в закрытое мрачное пространство. Серпантин заканчивается у самого дна сухого русла. Отсюда еле различимая автомобильная колея дороги идет уже по сухому саю, петляя между скалами. И справа и слева от дороги серые стены причудливых каньонов, испещренные расщелинами и пещерами самых разных размеров, зловеще зияющие своей темнотой.

Разговоры смолкли. Извилистый путь в самом дне высоких каньонов, куда почти не попадают лучи солнца, многочисленные зияющие пещеры и гроты вокруг, выражающие безмолвие, не допускало такой роскоши. Я в полной

мере ощутил то состояние, о котором говорил Дамир, впервые попавшем в этот каньон в его предыдущей поездке. Действительно, человек, попадающий в темень узких каньонов начинает, как бы уже страшится своей дерзости, остро осознавая, что он всего лишь букашка в этом причудливом темном мире. У него сами собой возникают беспокойство, боязнь и странные мысли, сама тайна глубоких каньонов и пещер как будто бы начинает искать своего выражения. Наверняка, к такому лицезрению привыкнут невозможно. Дамир признавался, что ему и на этот раз также стало не по себе.

- Видишь, Расул. Одни каньоны и пещеры. Вот почему этот край Ляйляка - особенный и, называют его «краем каньонов и пещер», – сказал Суванкул-ава.

Точно! Этот край сама древность, тут таинство пещер и многочисленных темных каньонов, в отличие других земель Ляйляка, отличающейся экзотической красотой долин, горных скал, рек, лесов. Пожалуй, это, действительно, особый край, - восхитился я.

Живописные тропы, извиваясь между стенками каньонов, выводят на массивные скальные монолиты, которые играют на солнце всеми оттенками малинового, рыжевато-коричневого и оранжевого цветов. Вот так среди гор и пересохших рек раскинулась этакая природная галерея творений времени, ветра, дождя и солнца. Этот сказочный край они творили день за днем, год за годом, век за веком. Так как горные породы здесь в основном кирпичного цвета с бурыми прожилками, создается прямо-таки сюрреалистический, не то марсианский, не то лунный пейзаж.

- А вот это аил Кара-камар (пер. с кырг. - черная пещера), по названию огромной и глубокой пещеры, - сказал Сагынбек-ава, указывая на пещеру, занимающую почти треть высоты скальной стены напротив села, зияющая своей черной пустотой.

Крошечный аил, маленькие серые глинобитные дома, которые как пауки облепили узкую полоску косогора между высоченными стенами каньона и саем (сай в пер. с кырг. – приречье). На этом фоне пещера Кара-камар выгядела еще более огромной, а ее зияющий широкий вход выделялся своей зловещей чернотой. Удивительно, как можно жить в этих домах, расположенных прямо у основания каньона? – наверняка, читалось на наших с Дамиром лицах. Дальше каньон становился все шире и шире, по широкому саю росыпью текла небольшая речушка Сумбула, а впереди показался другой кишлак.

- Вон тот аил, что впереди – это Замборуч, - пояснил Сагынбек-ава.

Аил расположился на широком и высоком плато, расположенном между саем с запада и вертикальной стеной каньона с востока на широкой полосе полого склона. Единственная дорога петляла меж домов. Где-то в середине села с возвышенности открывается вид на другой широкий каньон с таким же широким саем и с такой же россыпью протекающей рекой Джизген, которая, смыкаясь с речкой Сумбула образует довольно полноводную реку Ак-суу (пер. с кырг. – белая вода).

Когда мы проезжали Замборуч, Сагынбек-ава задал нам непростую задачку на наблюдательность.

- Расул, Дамир. Справа от дороги в предгорьях распологаются дома кыргызов, а вот слева от дороги, ближе к реке, располагаются дома узбеков. Найдите

пять признаков отличия кыргызских от узбекских построений и огородов, - шутливо рассмеялся он.

Мы с Дамиром, уже более внимательно начали наблюдать за аилом и почти на перегонки начали перечислять отличительные признаки. Дамир перечислил два признака:

- На кыргызской, скажем условно, стороне, дома на предгорье располагаются довольно хаотично, то на разных уровнях - на пригорке или на ложбинках и ориентированы они, главным образом на юго-запад. Между тем, дома на узбекской стороне села, были размещены на относительно ровной террасе, повторяя линию центральной дороги. Причем, все дома ориентировны в сторону реки.

В свою очередь и я попытался перечислить два признака.

- Сразу бросается в глаза то, что вокруг кыргызских домов деревья и зелень довольно скудны, тогда как у соседей-узбеков дома утопают в густой зелени садов и огородов. Кроме того, на кыргызской стороне я не увидел глинобитных дувалов (пер. с кырг. – заборы), а вместо них были загоны для животных из жердей и колючих веток, тогда как на узбекской стороне, эти глинобитные дувалы четко очерчивали каждый участок с домом, хозпостройками и огородом.

- Правильно! Молодцы! – похвалил нас Сагынбек-ава. – Ну, а пятый признак? Мы с Дамиром переглянулись, незная что ответить. Видя наше замешательство Сагынбек-ава сам подсказал, что таковым является то, что на кыргызской стороне вы не найдете арыка (пер. с кырг. арык – канава), тогда как на узбекской стороне все участки пронизаны арыками, на подобие кровеносных сосудов организма.

Первое, что мы увидели, выйдя за околицу Замборуч - восхитительную панораму долины, раскинутой между гряды высоких гор по обе стороны реки, протекающей внизу широкой росыпью по саю, ширина которой составляет не менее два километра. После мрачного, душного и извилистого каньона выше села, здесь возникает ощущение оазиса – прохлада, простор, шум реки, зелень долины.

Долина встретила нас ароматом луговых трав, зеленью деревьев и тутовников. У самого берега реки – терраса, от которой вглубь гор как бы прорезаются каньоны. По одному из них в Ак-суу стекает небольшая прозрачная речка. Две конусообразные сопки по обе стороны от нее образуют как бы ворота. Поодаль расщелина резко сужается, делает поворот и сразу уходит на новый вираж.

Дорога продолжает витать по правой стороне, вдоль известняковых скальных стен хребта. Вверх, вниз раскачивали машину волны грунтовой дороги. Отсюда еще километров десять до крохотного аила Чоюнчу – исконно малой родины деда. Машина поднимается по пологому подъему и останавливается, свернув вправо от дороги. Отсюда открывается еще более потрясающая картина далеко-далеко простирающихся красно-буроцветных горных кряжей по обе сороны широчайшего и живописного сая.

- Вот она природа родного края! – восхищается дед. - Открывающаяся с высоты даль времени и вечности, красоты и блаженства – все это можно ощу-

тить и увидеть только здесь, в родных мест! – не без поэтики восклицает он, любуясь видом отечественного края.

Вот, что значит для человека его малая родина, где он родился и вырос. Тысячу раз прав наш Чынгыз Айтматов, когда говорил, что именно с аила начинается путь во Вселенную, - подумалось мне. – Именно отсюда наш дед шестнадцатилетним паренком ушел покорять столицу. С той поры прошло больше полвека, дед стал настоящим горожанином, много добился, познал, понял. Тем не менее, малая родина для него имеет самое сакральное значение его жизни, есть и будет сакральным местом в его жизни и истории.

- Вон видишь ту высокую гору? Это и есть Тегерек, - задумчиво сказал дед, указывая на сферическую гору.

За невысокими горами, сквозь слабую, как в этих случаях говорят, нейловую дымку, виден был тот самый Тегерек, о котором так часто упоминали в разговорах дед, бабушка и родственники. На нее невозможно было не обратить внимание. Посреди горных окружений, возвышается огромная гора, сферической формы. Внешне она напоминает огромную юрту, обрывистые стены взлетают на высоту почти в полкилометра. Отсюда Тегерек выглядит как непреступная средневековая крепость Бастион.

- Вот он какой! - восхитился я, любуясь видом этой необычной горы.

Когда первый приступ естественного изумления прошел, я внимательно посмотрел на гору. Действительно, предо мной высилась, завараживающая своими размерами и красотой, огромная сфера. Взгянул на деда и увидел, что у него по-настоящему сияющие лицо и глаза. Видя все это, почему-то во мне заговорил биолог. Перелетные птицы, рыбы всегда возвращаются туда, где родились, чтобы снова зародилась новая жизнь. Малая родина завет их, и они являются. В этот момент мне подумалось, что вот и моего деда позвала и встретила земля, где он родился и вырос. Его приезд сюда, наверняка, и есть ответ на тот самый зов родной земли. Мне казалось, что встретились два светлых лика – дед и его малая родина, что их радость сейчас обоюдна. Дед счастлив тем, что вновь повидал свою малую родину, а она, в свою очередь – возвращению блудного сына.

Мы все с восхищением смотрели на Тегерек. В окружении, протяженных в обе стороны гор, она выглядела как рукотворное грандиозное сооружение, схожая с египетскими пирамидами. Когда дед или наши родственники, рассказывая об этой горе говорили, что это величественное видение, как магнит, притягивает всех тех, кто проезжает по этой дороге, кто неравнодушен к великим творениям крастоты природы, притягивает и тех, кто когда-то прослышал миф о нем или просто не равнодушен к давним мифам и сказаниям этого края. Сейчас я полностью согласен с этим.

- Потрясающая панорама! – не перестовал восхищаться и Дамир.

Как на объёмной картине все главное было расставлено в дали – Тегерек, а за ней волны холмов, вершины седеющих гор смешивались с очертаниями горизонта. Вблизи и вокруг нас одеялом расстилалась зеленная долина по обе стороны реки Ак-суу. Основное, не меньше двух километров шириной, русло реки, усыпанное разноцветным крупным галечником, где вода растекалась десятками широких и тысячами мелких ручеек. Так река искала, ищет и будет

искать себе путь, чтобы внизу, через сотни километров, соединится с великой рекой Сырдария. Вот на этом пути потоков воды как бы встает Тегерек – могущественный природный монумент, напоминающий знаменитую пирамиду Хеопса.

- Расул, Дамир. Посмотрите вон туда. Видите? Река Ак-суу, собирает свои воды в одно русло и делает довольно резкий изгиб влево, - поясняет Суванкул-ава. – Получается, как будто бы река избегает гору Тегерек.

Я молча смотрел туда, куда указывал Суванкул-ава и ничего не понимал. Все мысли у меня спутались, голова не соображала. Вероятно, то же самое чувствовал и Дамир. Что-то было противоестественным в том, что вдруг, на ровном месте река делает причудливый крюк. Мне подумалось, что в природе ведь тысячалетиями исчисляется противостояние рек и гор, как мягкого и твердого. Причем, как говорил китайский философ Конфуций, мягкое, то есть вода, всегда выходит победителем твердого, то есть камня. А здесь река, как будто бы по своей своей доброй воле огибает гору, а далее течет по-прежнему россыпью, разливаясь по всему саю. Кто знает, возможно, потому эту реку и назвали Ак-суу, имея ввиду не только чистоту ее вод, но и вероятную справедливость намерений самой реки - не подтапливать и не разрушать основание горы Тегерек. Какая-то невероятная сакральность – река, как одущевленный объект.

- Расул, Дамир! Вот это и есть ваш родной край, имя которому «край каньонов и пещер», – не без гордости сказал Сагынбек-ава. - Здесь своя жизнь, своя история, своя поэтик, а также своя философия. Ты только взгляни на эти причудливые и грандиозные каньоны.

- Впечатляет! - восхитился я, искренне удивляясь и с трудом осмысливая увиденное и услышанное.

Если честно, у меня было странное ощущение. Все вокруг казалось по-настоящему материальным, вещественным. Вот, вокруг меня мои сородичи, я их вижу, слышу, разговариваю с ними. Немногословные, но очень сердечные, отзывчивые и добрые, никто из них не произносил ни пафосных, ни патриотических речей, не разглагольствовал и не раздувал былую героику своих предков. Нет! Простой, доступный и по-своему мудрый народ. Было ощущение того, что здесь время застыло в прошлом. Но мы то знаем, что время можно остановить лишь в абстрактном, так называемом римановом, пространстве и то ненадолго. Другая мысль меня в тоску вогнала: понял я, что довелось мне увидеть в эту минуту малую частичку настоящего большого мира этих людей. Я, а, возможно, и Дамир, поняли и другое, что никогда не станем таким, как они, оставаясь все же бесчувственными городскими чурбанами. Если честно сказать, дефицит собственной чувстввенности я ощутил именно тут.

Солнце уже совершило половину своего земного пути, но тем не менее даже в полдень отбрасывало на Тегерек яркие лучи. Мне показалось несколько странноватым, что даже в такие часы Тегерек отбрасывала тень. На восточной стене уже появлялись косые полосы невероятно желто-оранжевого света. Вокруг царило безмолвие, как будто природа замерла. Казалось ее неподвижность таит в себе какое-то непонятное ожидание. Наступившее молчание быстро рассеялось от обращения ко мне Сагынбека-ава.

- Знаешь, Расул. Существует много легенд относительно этих каньонов. Как говорили наши пра-пра-деды, настолько каньоны обширные, глубокие и запутанные, что любой человек, любая домашняя живность, потерявшаяся здесь, уже не появится живой.

Мне в это верилось. Действительно, здесь в этом причудливом краю своеобразие гор, адыров, каньонов, пещер и гротов резко отличаются от таковых в других регионах страны, – подумал я. Из уроков физической географии знаю, что такая гряда гор образовались много миллионов лет тому назад в результате отложений ледников и их движения. Вот цепь гор и предгорий, а между ними горная река, которая как бы «пропиливает» себе дорогу образуя широчайший сай, а река, ежечастно меняющая свой путь, до сих пор продолжает отрезать приречные земли то справа, то слева. А ведь так продолжалось миллионы лет.

- Местность, безусловно, диковатая, но исключительно живописная, - соглашался я. Если бы мне задали вопрос о том, в чем же заключается живописность этого края, я, наверняка, ответил бы, в том, что ландшафты здесь в двух плоскостях – горизонтальном и вертикальном. Обширные плато на самом верху, а долины рек и каньонов внизу. Все остальное вертикальный мир. Причем, везде тени, тени, тени…. Высокие горные хребты по обе стороны реки протянулись с юга, где высятся горы с белоснежными пиками, на север, где смыкается горизонт, а это оказываются сотни километров.

Слева от дороги за рекой Ак-суу тянулись высокие горы слабо-оранжевого цвета, испещренные, как кажется издалека, сетью мелких и длинных вертикальных трещин. На самом деле, эти склоны таят в себе многочисленные, большие и малые, промытые в толще глины и песка, углублений. Стекая по склону горы, дождевые воды проложили себе путь и оставили неизгладимый, но очень красивый след. Справа от дороги такие же горы. Одним словом, вокруг все безумно красиво. Я поймал себя на мысли о том, что именно здесь расцветает вся политра теней – от слабого до черного.

Проехали километров пять, по грунтовой дороге, проложенной прямо по склону у подножья горного хребта. Внимание привлекло широкое плато прямо на повороте, откуда открывалась настоящая панорама. Сагынбек-ава снова остановил машину, все мы поспешили наружу.

- Вот это красота! – читалось восхищение у всех у нас в глазах и лицах.

Дух захватывает от той картины, что открывается взору. Широчайшая речная полоса, веками намытая белая речная галка, россыпью течет река Ак-суу. С высоты обрыва россыпь ручеек реки кажутся ниточками ртути на изумрудном дне долины. За саем виден широкий прибрежный луг, тянущейся прямо к подножью горы, а там, взору предстают маленькие аккуратные квадратики рисовых полей и ровные ряды тытовников.

— Вот мы и приехали к Тегерек, — сказал Суванкул-ава, и голос его был торжественным и возбужденным. — Теперь вот посмотри, каков отсюда вид на Тегерек.

Под яркими лучами солнца гора горела кроваво-красным пламенем. От того она выглядела еще более необычной и величественней.

- Наверняка, дед много раз рассказывал об этой горе? Она для нас, для нашего рода является культовой, - продолжал Суванкул-ава.

- Да! Гора действительно величественная и загадочная. А вблизи, наверное, громадье необъятное. Подойти бы к ее основанию.

— Жаль, но туда нельзя, – заметил Суванкул-ава.

Сказал и замолчал. Жду. Он молчит. Потом он чуть поворачивает голову ко мне и снова повторил: — Жаль, но туда нельзя.

Я не стал допытываться. Нельзя, так нельзя. Хотя почему нельзя? Идти в противоположную сторону от того, чего хочешь познать. Это было не по моему характеру. Сожаление, и еще какое-то физическое ощущение неудовлетворенности боролись во мне, когда дед почему-то издали отдавал поклоны Тегереку, а затем Суванкул-ава, Сагынбек-ава минуты двадцать читали молитву. Теперь, я уже осознавал, что так же не способен понять то, чем полна эта мифическая, по сути, гора, как непостижима природа, включая ту скрытую, тайную жизнь в черной земле под этими вечными камнями, о чем неперестававали говорит вся моя родня. Ведь мне не впервой приходилось слышать о некой глубинной тайне, связанной с Тегерек.

Вообще в той поездке я не раз, и не два удивлялся некоему телепатическому феномену. Не успевал подумать о чем-то, как тут же мои родственники, как бы успевали их предугадать и высказаться либо пояснением мне, либо очередным вопрощанием ко мне. Вот и на этот раз.

- Обычно с какими словами начинаются легенды и предания? – вдруг спросил Суванкул-ава, обращаясь к нам с Дамиром, и сам же продолжил: - «Было так или не было – кроме бога, свидетелей не было». Ведь так начинаются многие народные сказки, мифы и легенды, - сказал он. - Так вот, как бы то ни было, есть такая легенда и часто можно услышать от людей, что из всех магических и святых мест юга Средней Азии лучше всего запрятан Тегерек. Причем не только от людских глаз. Секреты, скрытые в этой горе упрятаны и в генной памяти и сердцах жителей его окрестностей. Немного помолчав, он задумчиво продолжил: - А также … глубоко в земле под его основанием. Разумеется, сейчас мало, кто знает, что гора то рукотворная.

Мы с Дамиром, шокированные услышанным стояли в недоумении. В голове звучали тысячу вопросов – как, когда, почему, отчего? Возникла небольшая пауза. Затем Суванкул-ава продолжил свое повествование: - Было так или не было – кроме его величества Природы, свидетелей нет. Прошли века с тех пор как свидетели и строители этого каменного саркофага покинули этот бренный мир, а большинство же смертных даже в этих окрестностях в настоящее время совершенно забыли об истинной природе и сути этой мифической горы и представляли их лишь по искаженным былинам дедов и прадедов.

К разговору подключился Сагынбек-ава: - В таких случаях говорят: «Прадеду рассказал его прадед, а тому прадеду – его прадед», - сказал он. - Ясно одно – это было в стародавние времена. Но среди наших сородичей, проживающих здесь, в окрестностях Тегерек - приветливых, простых и добрых, но почему-то скрытных и замкнутых в себе людей, когда речь идет о Тегерек, во все времена были и те, которые смотрели на эту гору с некоторой боязнью и предосторожностью.

- До сих пор? Почему? Что их пугает? – спросил я, вообще переставая понимать услышанное.

- В чем причина этого, никто не знал, и никто всерьез не интересовался, - сказал Сагынбек-ава. - Живут и живут они в своих заботах и в своем мирке. Это очень длинная и запутанная история нашего рода-племени сродни легенды или предания.

Лишь теперь становится понятным догадка о том, что, возможно в наших сородичах говорила и генная память предков, и предания тех далеких времен истории еще сакской цивилизации. Я понимал, что иногда бывает достаточным то, что «в жизни так бывает», что «такое иногда случается». А если мы будем слишком докапываться до сути различных мифов и историй, то мы рискуем потерять чудесную веру в то, что принято называть целесообразностью сущего. Предания и есть предания, отношение к ним, наверное, и должно быть соответствующим, - подумал я и целиком отдался своему слуху.

Суванкул-ава продолжил свой рассказ: - Тегерек, его окрестности, испещрены каньонами и пещерами. Легенды вторили им, что здесь всегда следовало бояться не только диких зверей. Всех, кого судьба и обстоятельства забрасывали в эти каменные края, подспудно не покидало чувство опасности. Но что за опасность – никто и никогда, а тем более наши современники не смогли бы объяснить. Ведь, как говорится «земля полнится слухами», - закончил он.

- Рассказывали, что будто бы на вершине этой горы видели странные огни, были случаи таинственных болезней и несчастий, случающихся с забредшими сюда чужаками, - добавил Сагынбек-ава. - Здесь могли поджидать и другие, гораздо более прозаические опасности: люди, обычно чуждые, могли потеряться, свалиться в расщелину скалы, могли упасть, покалечиться, сломав руки-ноги.

- Да-да. Рассказывали, что люди зачастую переоценивали свои способности ориентироваться в каньонах вокруг Тегерек, заблуждались, помногу дней не могли найти обратную дорогу в лабиринтах Ажыдар-сая, - продолжил Суванкул-ава. - Существовало поверье о том, что будто бы напившись воды из скудных родников, которые появлялись у подножья горы то там, то тут, человек терял память, лишался рассудка, либо заболевал неизлечимой болезнью.

Если признаться, мне не раз и не два доводилось слышать небылицы, связанные с этим необычным краем. Поговаривали о том, что у чужаков прибавляется новое страдание – страх темных каньонов и пещер. Рассказывали о том, что страх – неразлучный спутник в этих краях, что страх связан с безмолвием в глубинах каньонов и пещер, в особенности в ночи, когда солнце скрывается за горной кряжей на востоке. Этот страх действовал на чужаков по-разному, но главным образом, они поподали под власть суеверий и мистификаций, им мерешились какие-то невнятные существа и звуки в темных закаулках каньонов.

Странные места, странные люди. Лишь потом уже я понял то, что разумы нынешних людей, живущих на низинах горной кряжи, за которым высился Тегерек, - чутких, добрых, даже сегодня почти не тронуты логикой. Когда речь заходила о горе Тегерек, которую они рассматривали, как тотем своего рода – «кара-кулы», мысли их всегда воспламенялись, как маяки, захлестываемые волнами эмоций от незримого присутствия в их сознании исторической памяти об истинной природе этой горы.

Я вновь взглянул на Тегерек, но уже совсем другим взглядом. Вот она та самая огромная гора, которая возвышается перед нашим взором. И вправду, в отличие от своих соседей эта гора взмывала вверх, как голова закопанного в землю гиганта, с короной из крупных глыб камней по краям вершины. Громадная, устремленная ввысь и вширь гора, стены которой за многие века побиты непогодой, гордо возвышается над остальными горами и над Ак-суу, что протекает неподалеку от ее основания. Она особенно восхитительна в свете заходящегося солнца, когда его неровный свет расцвечивает гору полосами.

Когда мне говорили о том, что, когда люди проезжают или проходят по дороге Замбороч – Чоюнчу, создается впечатление, что Тегерек поворачивается вокруг своей оси, глядя им вслед, я неверил. Но на этот раз я убедился раз и навсегда в правоте такого высказывания. И вправду, гора выгядит как голова закопанного в землю гиганта с эффектом 3D.

* * *

Солнце пустилось в обратный путь, на запад, начало вечереть. Почувствовалась предвечерняя прохлада. До родового аила оставалось полчаса пути. Я невольно взгянул на деда. Он предавался, возможно, таким вот размышлениям: много лет прожито, а разгадка такой сакральной тайны ему до сих пор неведомы. Побыл немножко в этом мире, а потом, прежде чем эти тайны откроются, состарится и умереть? – наверняка думал он. В последние годы чувствовалось, что им овладел какое-то непонятное беспокойство. - Нет! Нужно сделать так, чтобы миф о Тегерек стал бы известным и поучительным для людей в целом – наверняка подумовалал он. С той поры, когда он написал книгу «Круг», прошли годы, но в сутолоке дней такая мысль, возможно, у деда все отодвигалась и отодвигалась назад. Между тем, чувствовалось, с появлением этой мысли жизнь его стало багаче, он обрел новые гаризонты. Чувствовало, что, ему, уже старому человеку, было приятно сама атмосфера жизни в этой глуши, сама жизнь его родичей. Приятно было, как мы с Дамиром – его внук с искренним интересом вникали в местную жизнь, с нескрываемым интересом познавали тайны этого далекого края.

И для меня интересного действительно было много, - подумалось мне. - Но мне хотелось, как и деду, в полной мере уяснить скрытую сущность тайны Тегерек. Чего стоит, например, такая тайна. Рассказывали о том, что кому удавалось подойти вплотную к стенам горы, удивлялись тому, что им казалось странным запах этого места, все вокруг источал запах корней, сырой нетронутой земли, глыбы камней. Многие упоминали о том, что здесь воздух был насыщен тревожным ощущением какой-то непонятной настороженности.

Как мне рассказывали, таинственность этих мест еще более подчеркивало то, что время от времени тишину нарушала трель невидимой птицы, чей голос был мрачноватым и нерешительным, как у детей, которые шепчутся в зале с высоким потолком. Рассказывали и о том, что за версту от горы человеком вновь овладевал покой, умиротворение и медленная продуманность. А в самом аиле время и места казались оставшимся в прошлом, здесь уже хотелось укрыться даже от медленного течения жизни. Казалось, что здесь можно было укрыться даже тогда, когда обрушивается окружающий мир. Такой вот контраст, такой вот колорит.

— Сагынбек-ава! Эта гора очень похожа на саркофаг Чернобыльской АЭС, — сказал я, пораженный увиденным.

— Точнее это не гора, а каменный саркофаг, — многозначительно заметил Сагынбек-ава. – Тегерек такой же рукотворный, как и чернобыльский саркофаг. Разумеется, есть между ними сходство – та же величивая монументальность, та же таинственность и функциональная предначертанность. И ты не первый, кто осознает сходство Тегерек и чернобыльский саркофаг, - сказал он.

Ну, здесь я уже не выдержал. Может быть молодо-зелено. Но, почему-то во мне разыгрался праворуб и космополит, наверное. До сих пор незнаю и непонимаю, что на меня нашло.

- Да нет же, Сагынбек-ава, это обычная гора, рожденная силами ледника, – воспротивился я. – Вот посмотрите вокруг. Этот каньон, на дне которого мы с вами сейчас пребываем – это не что иное, как путь ледника с тех высоких белоснежных гор, входящих в туркестанский хребет, в сторону сырдарьинской низины где-то там внизу за сотни километров. Это след ледника, насчитывающий много миллионов лет до нашей эры. Ледник давным-давно исчез, оставив глубокие каньоны и пещеры. А вон там, где расположилось село Ак-суу, произошло слияние двух ледников, - чуть-ли не вскричал я.

Если признаться, мне так и хотелось сказать Сагынбек-ава, Суванкул-ава, что, как-то странно вы рассуждаете, мои уважаемые. Странная у вас аналогия и какая-то непонятка с совершенно абстрактной горой-саркофагом, злобно-зловредным драконом, коих вообще не бывает в природе. Что за чертовщина, в конце концов?

Воцарилось зловейщее молчание. Вначале я испугался своей дерзости. Но, а с другой… Сам себе наставник, я привык следовать своим правила и мыслям, ни на кого не оглядываясь. Мой максимализм и мое воспитание не позволяли мне вот так запросто соглашатся с чужими мнениями. Тем более если я уверовал в своей правоте. Вот скалы, протянувшиеся по обе стороны реки с низинами по обе стороны, достигающие до двух километров по ширине, тянутся с юга на север, постепенно становясь все шире и ниже и, наконец, сливающейся с низинами реки Сырдарья, что в Таджикистане.

– Вот посмотрите Сагынбек-ава. Так оно и есть - песчаник. Я, чтобы доказать свое, не поленился подойти к основанию ближайшей горы. – По правде говоря, некогда, то есть много миллионов лет тому назад, в здешних краях образовались высокие гребни песчаника по обе стороны ледника. Ледник растаял, а по краям образовались высокие утесы из песчаника. – Так, что Сагынбек-ава. – Ваш Тегерек из того же материала, как и эти горы.

Сагынбек-ава рассмеялся, похлопывая мне по плечу. - Расул, сынок! Пусть миф останется мифом. Кроме того, есть и другие причины, - сказал он снисходительным тоном.

По правде говоря, я остался в недоумении. Что за бред? Какие еще причины? Но, из уважения к Сагынбек-ава не стал его оспаривать. Жизнь дяди насчитывала уже около шестидесяти лет, а мне лишь едва двадцать лет. Вспомнил и назидание деда перед приездом сюда. Ну, что ж пусть будет поихнему, - решил я. А с другой стороны, именно среди своих родственников во мне появилась какая-то внутренее убеждение о том, что должен очень поста-

раться вникнуть и понять все лучшее, что таилось в их народной мудрости. Хотя, вначале, мой скепсис противился воспринимать наивности и нелогичность некоторых их суждений, нравов и поведений. Вот так меня потянула в гущу родовых историй и событий, захотелось осмыслить ту самую фантастическую легенду о Тегерек, о героических предках.

Мне вспомнился рассказ Дамира, когда в прошлом году он впервые побывал в здешних краях. Ему, как и мне было интересно узнать то, чего не знал и, все незнакомое тянуло магнитом.

- Помнится, я с Салям-ава проезжал по дороге, которая петляла среди многочисленных русел реки, - рассказывал Дамир. - Дороги, как таковой не было, и водитель грузовика каким-то внутренним чутьем угадывал, где можно проехать, не застряв в водах.

— Смотри, — Эргеш-ава протянул вперед руку по направлению к северу. Дамир повернулся, чтобы взглянуть туда, куда указывал он, прикрыв рукой глаза от солнечных лучей. — Посмотри получше. Посмотри на ту гору. Вон там, — он указал на округлую высокую гору.

- Да, да. Вижу. Вот это громадина! – восхитился Дамир, - прям, как пирамида Хеопса.

— Это больше, чем просто гора. То, что ты видишь, это Тегерек – саркофаг в котором замурован ажыдар. Это каменный склеп, стоящий среди скал уже многие сотни лет. Если пожелаешь, я расскажу тебе об этом позже, когда прибудем в аил.

Дамир был крайне заинтригован и с жаром тогда вопрошал, что за саркофаг? Зачем его построили? Почему здесь? Что за склеп? И что еще за ажыдар? Мысли теснились у него в голове.

- Зачем вообще нужно было строить такой саркофаг? — спросил тогда он. — Это же глупо. Я понимаю логику построения египетских пирамид, которые являются усыпальницами фараонов, которых люди приравнивали к богам. Ну, а здесь? Богом забытой глуши, причем, наспех, практически бесформенно насыпью, - недоумевал он.

Дамир признавался, что слухи о Тегерек, вначале воспринимал как диковенные, что и у него появлялись мысли о том, что в этом краю царит какой-то непонятный ложный идеал, что все события вокруг Тегерек, поначалу воспринимается, как некая героизация своих предков. Ну, типа сказка об извечной борьбе злого дракона и людей с обязательным в этих случаях победой драконоборцев.

Дамир вспомнил, как Эргеш-ава и Салям-ава недовольно взглянули на него, но ничего не сказали против моей дерзости. По приезду в аил, этот разговор забылся, а утром следующего дня он пристал с расспросами к Эргеш-ава. – Что за Тегерек? Расскажите об его истории.

Эргеш-ава удивился этому – А что это вдруг? Кто ни будь, уже тебе рассказывал о Тегерек?

- Да, так обрывками, – уклончиво ответил Дамир. – А может быть это просто сказка?

- Может быт, - неуверенно протянул Эргеш-ава, но уже в следующей минуте воскликнул: – Хотя нет! По-моему, все было взаправду! И ты этому тоже поверь, - посоветовал он.

После небольшой паузы, он продолжил, - я всегда удивлялся, насколько люди полны предрассудков. Однако, если бы только один человек рассказал бы эту историю, я назвал бы его фантазером или даже сумасшедшим. Но об этом говорили многие, пра-пра-прадед рассказывал прапрадеду, тот рассказывал прадеду, а этот прадед рассказывал деду, дед – отцу. И так много веков к ряду. Сам черт сломает ногу, пока разберется «было это или не было».

Дамир рассказывал, что он, Саттар-ава, Эргеш-ава, Салям-ава и Самат-ава сидели за завтраком на топчане и смотрели в сторону Тегерек. Ясное утро. Солнце вырвалось из объятий гор. Его скользящие лучи теперь озаряли самую восточную стену Тегерек, зажигая пламенем его склон и глубокую расщелину. Стены горели теплым красноватым светом, как будто кровь бежала по холодным горным артериям. А вот позади, Тегерек оставлял густую, почти черную тень.

— Смотри, Дамир, — сказал Саттар-ава, — у тебя есть возможность посмотреть на прекрасное зрелище. Ты только посмотри, какая красота. Скажу так. - Тегерек – это и есть место высшей магии.

- Что за чертовщина, что еще за магия? – недоумевал в душе Дамир. - Я, конечно же, не понимаю, все это. Но это из области язычества. А точнее тенгрианство, то есть по-научному, поклонение природным объектам, – заявил он тогда.

Помнится, Дамир, после поездки в Ляйляк как-то выразился о своем ощущении. – В Ляйляке, я, как будто попал в машину времени. Вот тебе руль, тормоз, газ. Вот это педаль сцепления с реальностью, а вот это переключатель времени – в будущее или в прошлое. Если хочешь попасть в прошлое послушай рассказни о Тегерек, Келин-басты, Кара-камар, - говорил он. Ну, как здесь не вспомнить фантаста Г.Дж.Уэллса «Единственное различие между временем и любыми из трех пространственных измерений заключается в том, что наше сознание движется вдоль него».

Вот и я сегодня сижу среди своих сородичей в глухомани, слушаю их наивные рассказы. И снова вокруг сумерки беспространственного времени или же безвременного пространства, которые сомкнулись вокруг меня.

Теперь вот, как и Дамир, загадкой Тегерек заинтригован и я. Верить – не верить. Про себя подумал: старые истории, легенды и мифы стали частью самой жизни простого народа. Странно, как будущее тесно связано с прошлым, так что и то, и другое проходит через настоящее, как огромное колесо… Ночью мне приснился необычный сон. Образ из ночного сновидения возник передо мной: большой черный круг, безжалостно толкающие вниз, — огромное колесо, давящее все перед собою. Каким-то образом прошедшее вторгается прямо в настоящее, отбрасывая длинную тень.

В прошлом году Дамир, находясь под впечатлением увиденного и услышанного о Тегерек в Ляйляке рассказывал о том, что однажды Гапар-молдо и он сидели на пригорке и смотрели в сторону Тегерек. Если глаза Дамира выдавали неподдельное восхищение увиденным, то глаза Гапар-молдо выдавали

озабоченность и усталость. Почему? Что творилось в его душе? Его оказывается одолевали мысли: как необычайно и странно быть здесь; смутные времена мы переживаем; живем в слишком тесном единстве с горой Тегерек, чтобы не почувствовать беспокойства в окружающих нас землях. Каменный саркофаг еще на своем месте. Он еще не разрушился. Но процесс разрушения явное. – вот что оказывается беспокоило этого человека, - удивлялся тогда Дамир.

Вот и сейчас, я и Дамир внутренне почувствовали настроение Суванкул-молдо. - Странные времена наступили, все меняется, наверняка, размышлял он при себе. - Теперь больше знаем о том, чего боялись, но не могли назвать. Все озабочены трагедиями нынешнего времени, но никто из людей не осознает в своем сознании мысленное присутствие Зла. Они не могут представить, что сулит им ближайшее будущее.

Знать бы мне и Дамиру, что и Гапар-молдо, и Суванкул-молдо – эти проницательные старцы нашего рода не раз приходили в отчаяние оттого, что благополучие рода людского зависит именно от судьбы Зла. – Мы должны избежать трагедию очередного Зла – твердили при себе и Гапар-молдо, и Суванкул-молдо, читая традиционные заклинания.

В прошлый приезд Дамира удивил рассказ Суванкул-ава о своем сне. – Вдруг почувствовал холодное покалывание по всему телу. Что-то прикоснулся к моему разуму, торопя поскорей добраться до укрытых туманом Тегерек. Потрясенный, я, вдруг, внезапно осознал, почему при последней встрече с Широз-бахшы – есть такая темная личность, почувствовал ничем необъяснимую печаль и беспокойство. Тогда страсть этого человека к злу и то, что он вертится вокруг Тегерек, как поговаривали люди, читает какое-то заклинание, лишило меня душевного покоя, - рассказывал Суванкул-ава. Он признавался, когда бывает вблизи Тегерек, тревога и сомнения загорались у него с новой силой. И на этот раз, чем ближе приближались к Тегерек, тем больше ощущалось у Суванкул-ава возрастающее беспокойство. В тот день он долго читал намаз, сидя у подножье горного хребта, за которым высилась Тегерек.

Хочу сказать, что рассказ Дамира – это не вся правда и не только правда. Есть здесь две шероховатости. Во-первых, вся та же сказочность событий, связанных с Тегерек и пещерами, а с другой стороны – мы же не вчера родились. Я и Дамир – студенты. Мы оба видели, что наши родственники не просто разговаривали с нами, они еще и наблюдали за нашими реакциями. Опять-таки странно. Создавалось впечатление, что мы якобы рассуждаем неправильно, либо с их точки зрения, то, что они рассказывают о Тегерек и ажыдаре - эта чушь вовсе не чушь.

Продолжу уже свой рассказ. Итак, мы по дороге в родовой кишлак.

- Ну, а теперь, после того, как мы поздоровались с Тегерек, пойдем к себе, в аил, – сказал Суванкул-ава, вставая с места и идя в сторону машины. А, обращаясь ко мне и Дамиру, – он повторил, - пусть миф останется мифом. У нас свое представление о движении Природы. Мы – люди маленькие, живем своими маленькими заботами, у нас свои представления о Добре и Зле. Так что будьте к нам снисходительными.

Я чувствовал, что попал в почти неизведанный мир, все казалось новым и необычным – природа, люди. Я вспомнил недавнюю беседу с дедом перед приездом сюда.

- Человек, уезжающий в далекие края, где он еще не бывал, хочет он или не хочет, но должен быть готовым к неожиданностям, приспособится к новым обстоятельствам и нравам людей, - начал дед издалека. - Он должен быть готовым, возможно и отречься от многих стереотипов, от тех правил и принципов, которыми до сих пор руководствовался в своих поступках и поведениях, - говорил дед. – Вот Дамир, который в прошлом году уже побывал в этих краях. Веселый нрав, особый дар коммуникативности снискали ему уважение и почет у родственников. Теперь это следует познать и тебе.

Я в глубине души признавался, что, как человек закостенелый в привычках и суждениях, пока с трудном понимал мысли людей нового окружения. Вновь вспомнились детали беседы с дедом.

- В наших краях народ самобытный, - сказал тогда дед, - наши сородичи очень простые и по своей простоте, скажу так, далеко непросты. У них особый склад ума, мыслять они простыми категориями, но проницательны и мудры по-своему. Тебе, впервые общающейся с ними, самое трудное – это выработать в себе должное отношение к ним, да и ко всему окружающему. Например, обычную учтивость ты должен заменит в себе снисходительностью, искренностью, терпеливостью, обстоятельностью в словах и делах. Только так, а не иначе ты можешь заслужить доверие и уважение сородичей. Наши сородичи привыкли принимать жизнь такой, как она есть, и считают тебя своим по крови. Так оно и есть. Ты один из них и никогда это не забывай.

Однако, я понимал, что наступили совершенно другие времена, нравы, обычаи. Никто же не отрицает, что мы принадлежим к другому, более развитому миру. Нравы, обычаи и взгляды этого мира не отличались ни такой простотой, ни прямотой и искренностью, ни такой непреложностью. Здесь мир архаичен до предела, а время течет будто густой сироп. Между тем, молодежи в наше время нужны разообразие и многранность. Разумеется, я понимал против архаичных обычаев, нравов можно идти, только в том случае, когда логика на твоей стороне. Но жизнь не зиждится лишь на логике. Где же место сердцу, чувствам, душе и разуму? Нескрою, что все больше чувствовал, что во мне пробуждается какая-то духовная сила моих предков.

* * *

Вечерело, солнце уже садилось, лучи его били прямо в глаза. Мы почти вьезжали в родовой аил. Ну и деревня! – таково было мое первое впечатление об аиле. Два десятка хижин из красноцветных и серотемных глин разбросанные на адырах по всему предгорью, а между адырами вьется пыльная дорога. Вокруг лишь адыры, покрытые осоками и редкими островками кустарников. Ни воды, ни зелени, бурая замля, покрытая колючками, будто здесь прошлись с огнеметом, сжигая все живое. Как будто действительно аил попал под огнемет. Одним словом, жуткая дыра. Однако, интересно то, что, отступя ниже на полсотни метров начинается зелень вокруг проткающего широкого арыка. Сочная трава, тытовники, ивы, камыши. Здесь, все, что открывается взору от

края и до края, являет собой высшую степень гармоничного единства, стихий и времени - образец полного природного симбиоза красоты природы.

Дед попросил остановить машину на пригорке, откуда Чоюнчу был виден как на ладони. Мы дружно высыпались наружу.

- Вот и родные места. Все вокруг родное – люди, дома, дворы, аил, окрестные горы, река, долины. Здесь благодать, покой и тишина. Переехать бы сюда навсегда, - с настальгией протянул дедушка, многозначительно и вопросительно посмотрев на меня и Дамира. Мы с Дамиром перегялнулись. – Да. Наш дед смертельно устал от города, - подумалось нам.

Как бы угадывая нашу мысль, Саитмурат-ава, Калык-тага, Бавабек-ава многозначительно посмотрели в нашу сторону и кивая в сторону дедушки. – Видите, как наш аксакал рад приезду сюда на свою малую родину, - громко сказал Саитмурат-ава. – Мы всегда рады вашему приезду.

- Расул. Дамир! Эти земли являются и вашей малой родиной, которую вы не должны забыват, - сказал Калык-тага.

- Более того, в будущем вы должны его прославлять! – восклиникнул Бавабек-ава.

Действительно, здесь все было иначе – благодать сельской природы, простота и доброжелательность людей, - подумалось мне. - А в городе…. тоска - слухи и скандалы, насилия и пикеты, пробки и толкотня, спешка и абсолютное безразличие людей. В город нас ведет одно – несбыточная мечта, лихорадка владеть, завладеть, жажда иного мира – мира хлеба и зрелищ, а вокруг тебя толпа утопистов и мизантропов. Нынешние города тонут во зле, там разлад и хаос. В этот момент я как никогда понимал настальгию деда. Вот почему деда всегда тянуло именно сюда. На мой взгляд, даже жизнь вне города на дача не доставляло столько радостей, как жизнь в аиле, где родился и рос.

- Вот она благодать по-настоящему! Вот где рай земной! – продолжал восклицать дед. - Здесь хоть ненадолго можно вернуть то, что навсегда утрачено, есть возможность слиться с природой, сбросить негативную ношу сознания. Чем не рай? Дед, замолчав немного даже прослезился. Кто знает, может быть, действительно, если это рай, то деду, возможно, хотелось бы остаться здесь и закрыть глаза в последнем долгом сне рядом с теми, чьи жизни сплелись с его жизнью, с жизнью его родителей и близких.

Именно в такие минуты нам с Дамиром думалось о том, что впервые ощущаем некое единство, которое пробирает нас почти до слез, чувство обостренного понимания, которое расширяется, приобретает объем и более четкую форму, некую уверенность в собственном опыте, больше не одиноком, ведь мы нашли поддержку в родственных нам переживаниях. Все это заиграло в нас новыми смыслами и гранями, обрел новую словесную форму в наших рассуждениях, намерениях, надеждах.

Вместо с тем, если быть честным, то нам местность и аил были по-настоящему странной картиной и чистейшей архаикой. На исходе первый десяток двадцать первого века, а здесь почти средневековье. Голые адыры, два десятка приземистых саманных домов, разбросанные то тут, то там, причем на внушительном расстоянии друг от друга, а также рядом с ними загоны для скота из жердей и прутьев колючих кустарников, произрастающих недалеко в

лощинах. Лишь по обе стороны арыка, там внизу в пойме реки Ак-суу росли тополя и ивы.

Аил растянулся на узкой террасе между подножием адыра и правым берегом реки Ак-суу. На левом берегу возвышается живописная высокая отвесная скала высотой в несколько сот метров, протяженная долеко-долеко вниз и верх. Практически полная аналогия с крепостной стеной. Стена, обращенный к кишлаку, абсолютно неприступна, лишь в одном месте на вершину ведет тропа, прорубленная некогда жителями для того, чтобы по нему перегонять скот туда наверх на равнинное плато с обширными пастбищами. Справа от тропы зияет темный вход в большую и глубокую пещеру, высота которой занимает почти половину высоты горной стены.

Вечер загорелся потрясающим закатом: солнце, опутанное щупальцами туч, вспыхивало вулканом, освещая потухшее небо. Пока на западе бурлил и вспыхивал вулкан заката, на востоке всё ярче загорались низкие звезды. В родовом аиле нас встретили по-настоящему горячо и сердечно. Вот, что значить малая родина. Каждый старался обнять нас с дедом, поцеловать, высказать благославление. Столько теплых слов приветствия. Мне было очень трогательно такая сердечность моих родственников. Собрались в доме Салям-ава. Вот, сидят вокруг тебя твои близкие родственники, которых мы знали, сородичи, о которых мы незнали – Кадыр-тага, Кудайберди-тага, Баит-ава, Эшанкул-ава, Кожоназар-ава, Исманали-ава, Мухтар-тага, Турдубек-ава, Аккул-ава, Алимбек-ава. Всех и не перечислишь. Открытость, доброжелательность, искренность, ни тени условности, лжи и наигранности в отношениях. А что еще нужно человеку на этом белом свете? Мы с дедом чувствовали себя здесь как дома. Лишь теперь я понимал, что ничто не заменить родственность душ, комфорт общения, близость суждений. В глазах каждого можно было прочитать искреннюю доброту, заботу и нежность. В особенности наших апа, эже, жене (пер. – с кырг. соответственно, матери, сестры, невесток): - Ханзат-эне, Чинихал-эне, Чынар-эне, Чолпон-эне, Дана-эже, Минавар-эже, Мария-эже, Адалат-жене, Ашир-жене, Насип-жене. Идет неторопливый разговор о прошлом, настоящем и будущем. Разные по возрасту, но жизнь, которую они вели, выковали из них определенный тип людей – обстоятельных, неторопливых, выносиливых с крепкими мускулами. Загорелые лица, спокойные и добрые глаза, по всем признакам довольные своей жизнью и судьбой.

Вечерняя трапеза затянулась до глубокой ночи. Женщины и дети собрались домой, а мужчины, как это принято здесь, в честь приезда деда решили провести кадыр-тун (пер. с кырг. - ночь благодарения). Между тем, это время молитв, размышлений, откровений. Лишь прочитав утренний намаз родственники расходятся по домам. Я об этом знал. А мне все не терпелось услышать легенду о Тегерек. Было уже полночь, ярко светили луна и звезды на иссине черном небе.

Наконец, не выдержав, я обратился к Курбанбай-тага.

- Тага! Вот вы один из старых жителей аила. Вы о многом знаете не понаслышке, расскажите, пожалуйста, о мифе, связанный с Тегерек. Все сидящие здесь, наверняка, помногу раз слышали эту легенду, но, а мне это будет впервой.

- Ну что же, Расул. Действительно, ты у нас в гостях впервые. Я расскажу обо всем, как умею. Если что мне помогут все те, кто здесь сидит. Я начну с самого начала. Это было давным-давно в прошлом, измеряемом не одной сотней лет. Эту легенду прадед услышал от своего прадеда, а тот в свою очередь от своего прадеда. То есть это произошло еще тогда, когда саки лишь осваивали эти края. Так вот слушай. Тегерек – это мифическая гора-саркофаг, это своеобразный тотем нашего рода – кара-кулов, – начал свой сказ Курбанбай-тага.

Перед глазами у меня стоял образ этой горы, имеющей форму почти правильного круга и усеченной широкой пирамиды, в виде сферы. По внешнему виду гора напоминает огромную по размеру непреступную крепость. Сама эта гора-крепость находится в труднодоступной местности. Это было видно с дороги, откуда открывается обзор Тегерек. Гора высится за грядой высоких утесов и была сложена из множества горизонтальных ступенчатых слоёв, чем-то напоминающих пирамиды. Верхушка горы закруглена в виде яйца. Восточная стена горы прорезана сверху вниз изогнутой трещиной-расщелиной. Точно такая же расщелина прорезает и южную стену. Слоистые террасы образуют на стенах волнообразную каменную лестницу, идущую от основания горы к её вершине. Как мне сказали, на восходе и закате солнца, эти каменные террасы образуют узорчатые тени в виде бахромы, от чего гора выглядит еще более громадной и нарядно украшенной.

– А ты бы видел Тегерек с восточной стороны? – спросил почему-то Курбанбай-тага и не дожидаясь моего ответа продолжил. – Так, вот там находится высокий и крутой перевал, которого называют Кара-Даван, то есть крутая высота. Сразу за этим перевалом некогда был небольшой одноименный наш аил. Так вот, истинное величие Тегерека открывается именно с того перевала. Это действительно громадина. Никто не знает истинной ее высоты. Никто и никогда не поднимался на ее вершину. По преданию, гора является неким саркофагом, созданным нашими далекими предками в виде насыпи. Под этим насыпом в былые времена, как сказывали наши предки, был захоронен ажыдар.

- То есть построили могильник, – пояснил рассказчик, посмотрев на меня. – Ну, а тебе будет интересно и то, что считается, что под горой он еще подает признаки жизнь.

Видя мое неподдельное удивление Курбанбай-тага оживился: - Да-да. Не удивляйся! Слушай дальше. Говорят, якобы на вершине горы изредка появляется озерцо с ядовитой жидкостью. Козы, которые взбираются некими путями на вершину этой горы и, испив воду из того озерца, либо погибают, либо становятся бешенными. Вот такие вот дела, – сказал Курбанбай-тага и после некоторой паузы продолжил: - Так или иначе, издавна нашими предками на восхождение в эту гору было наложено табу. Считается, что все, кто совершили попытку подняться на вершину горы либо погибали на пути к её вершине, либо возвращались, не достигнув своей цели, но уже «тронувшись умом».

Слушая рассказ мне не раз хотел уточнить то одно, то другое, но не решался. Разумеется, я сразу же понял Курбанбай-тага многое опускал, то ли нарочито, то ли случайно, то ли от того, что не умел или не был готов рассказывать такие вещи. Одним словом, он был рассказчиком не ахти. Его повествование,

если сказать честно, был крайне непоследовательным. Единственное утешение было в том, что в какой-то степени хаотичность его рассказа компенсировалось тем, как он сам просил вначале, сидящие здесь родичи, то один, то другой добавляли некоторые детали либо рассказывали отдельные события и подробности целиком.

Небо было ясное, полная луна склонялась на юго-запад. Тегерек, как громадная сфера было отчетливо видна. Все, сидящие, обуреваемые сложными чувствами, как бы замерли не то от восхищения, не то от ожидания. Вот, в разговор включился Салям-ава:

- Говорят, что в свое время на подступах к горе бесследно исчезли несколько человек. Таким образом, подъем к вершине невозможен из-за заклятья. Поговаривают, что существовал культовый обход горы мужчинами из числа местных жителей рода кара-кулы, то есть черные рабы, – пояснил он, глядя на меня. - Они по преданию являются охранителями Тегерек.

Чем больше я слушал рассказ, тем больше было мое удивление особому разумению этих простых и бесхитростных людей. Тем не менее, я почувствовал и их непомерную сложность, когда каждое простое чувство или мысль приобретает у них десятки тончайших нюанса. Мне показалось, что живут они по своим неписанным законам, в этом все чаще я находил некую прелесть. Неторопливая жизнь, наивные, но очень колоритные по стили и содержанию, мысли. Мне, как горожанину, жизнь всегда кажется стремительной и непредсказуемой - весна, лето, осень и зима сменяются, как солнечные лучи сквозь пролеты моста. А здесь время и жизнь казались застывшими.

Меня по-настоящему заинтересовала традиция кара-кулов совершать ритуальный обход горы. Мне подумалось, что ритуальный обход вокруг горы, безусловно, символизирует их причастность к легенде о саркофаге Зла, это для кара-кулов, наверное, символ круговорота их судеб и времени, а, следовательно сакральный объект поклонения!? Об этом я догадался еще тогда, когда дед по дороге в кишлак почему-то попросил остановить автомашину напротив Тегерек, чтобы прочитать поминальную молитву, обратившись в ее сторону. Теперь мне становилось в какой-то мере понятным откуда у людей, в особенности приезжих, суеверия и страх. Глубокие и темные каньоны и пещеры не могли не разыграть у них больное воображение о существовании там неведомой страны с невидимыми на глаз существами. Им казалось, что жуткое безмолвие в этой мрачной теснине скрывает не что ужасное, имеют свою непостижимую и страшную тайну. Пока же охватить мыслью, выразить словами все, что услышал и увидел мне пока не удалось, но ощущение того, что попал на другую планету было почти осязаемым.

- Итак, давняя легенда гласит о том, что когда-то в этих краях обитал кровожадный ажыдар, – продолжал рассказчик. - Это было очень давно. – Расул. Вот ты у меня спросил: зачем людям нужно было создавать грандиозный насып, который потом стал называться Тегерек-тоо? Помню, в прошлом году задавал этот же ворос Дамир. Так вот слушайте, кто и зачем надоумил людей на это, продолжал свой рассказ Курбанбай-тага. - Согласно легенде, людям удалось убить того самого злобного ажыдара, который долгие годы терроризировал их, принося бесчисленные беды, убивая людей, пожирая скот, уни-

чтожая посевы. То есть людям удалось заманить его в ловушку, ранить и закидать камнями, после чего навсегда замуровать останки ажыдара в каменную насыпь.

Вот она та самая тайна этого края, - подумалось мне. – Призрак ажыдара, прикованный к этому краю на долгие десятки и сотни лет. Жизнь среди его тени, подавленный сознанием порабощения слепой властью призрака ажыдара, вечное и навязчивое ожидание опасности, навязанная этим призраком. Эти опасения и этот страх превратились в манию, от которой они не могли или может быть не хотели избавится.

- Многие годы люди сооружали эту насып, зная, что ажыдар может ожить и освободится из каменного плена, - продолжал свой рассказ Курбанбай-тага. - И тогда он бы ни перед чем не остановился, пока не перебьет род людской. Когда, наконец, был завершен громадный каменный насыпь, мудрецы поручили людям не спускать глаза с той горы, понимая, что Зло, когда-нибудь и как-нибудь может вырваться на волю. Такой чести охранителя Тегерек удостоился маленький, но очень ровный и трудолюбивый клан.

Подошло время ночного намаза. После омовения, выстроившись в ряд в течение часа, мои родичи читали таварик. Завершив его, теперь уже Гапар-молдо неторопливо продолжил рассказ, начатый Курбанбай-тага.

- Так вот. Саркофаг был создан и Ак-киши-олуя – мудрец, глава рода, сказал, что отныне мы будем называться кара-кулами, то есть рабами бога, воинами добра. Мы принимаем на себя долг - охранять Тегерек, что бы никто и ничто не смог бы расковать ажыдара из его каменного плена. В мире много зла, силы зла попытаются высвободить своего воина, вызволить его из каменного склепа, в которого мы с вами сообща его поместили. Предупреждаю, – сказал мудрец - если это Зло высвободится каким-то образом, то беды не миновать.

Я невольно взглянул на начной силуэт Тегерека. Да и мне, в какой-то момент рассказа разыгралось воображение, как будто-бы угрожающе начал раскачиваться Тегерек, а потом и вовсе вершина его опрокидывается, как крышка казана, выпуская в черное небо нечто бесформенное вначале, а спустя некоторое время искаженная бешенством физиономия ажыдара и которое, превратившейся в длинный язык пламени исчез за грядью гор позади Тегерек.

Гапар-молдо, сделав паузу, продолжал. – В это время один из соплеменников по имени Аккул нарушил воцарившуюся тишину. — Скажите нам, уважаемый аксакал. - Ажыдар мертв раз и навсегда? Дело в том, что вы, сами, будучи убежденным, в том, что ажыдара, мы все-таки убили и более того, закопали в саркофаг, настаиваете на том, чтобы мы еще и охраняли его могилу. Эти слова заключали в себе скрытый смысл.

- И что сказал Ак-киши-олуя? – не выдержал я.

- Ажыдар сейчас мертв, - ответил мудрец и продолжил: - Но… он может пережить эту трагедию. Такова его природа – нести с собой круг возрождения. Считайте, что мы на время сузили этот круг, но не укоротили нить его жизни. Охранные заклинания станут постепенно слабеть. Постепенно может, разрушится и сам саркофаг. Заклинаю вас, берегите саркофаг, трубите тревогу, если появится хотя бы малейшая трещина в его стенах, не давайте поднимать-

ся людям на вершину горы, ни в коем мере не допускайте того, чтобы люди испробовали бы испить воду из отравленного озерца на вершине Тегерек! Иначе наступить конец добролюбия и сострадания людского. – Такова была речь старца Ак-киши-олуя возле Тегерек, – сказал Гапар-молдо.

Под впечатлением услышанного, мне подумалось, что, наверняка, тогда от такого признания мудреца многие почувствовал, как кровь застывает в их жилах. Значить беды и несчастья могут возвратиться к ним? В чем наш грех, за что такая горькая судьба? – наверное, читалась в их глазах. Как будто бы читая мои мысли Гапар-молдо продолжил свой рассказ в следующем ключе.

— Мы все чуть не погибли, и ради чего? Можно было перебраться, откочевать всем аилом ближе к городу Газа или Согд, – грустно высказался Карим. Тогда глава рода с трудом поднялся на ноги. Немного помолчав, сдерживая недовольстви и даже гнев, он ответил так: — А ты знаешь, что ажыдар не успел полететь в сторону Газа, Согда, Яксарта, что он не смог вырваться за окрестности нашего села и нашего темного края? Только что мы смогли предотвратить бесчисленное горе и несчастье многих людей. – Эх, сын мой! А ты о жертвах, - упрекнул его мудрец. - Жертвы были востребованы! Да пусть найдут свое пристанище их души в раю!

Были и те, кто поддержал мысль Ак-киши-олуя. Таковых было большинство.

— Вы правы уважаемый аксакал, — сказал другой соплеменник по имени Таирбай. - Если не охранять, то ажыдар снова окажется на свободе, тогда беды не миновать – погибнут все.

Все понимающе смотрели на него, пока тот старался уложить смысл этих слов в голове.

- Пусть заклятие, высказанное здесь и саркофаг, который сооружен здесь, послужит тому, чтобы никогда больше не повторилось зло! – пафосно заявил он.

Мне подумалось, что все исторические предания говорят, что лишь человеческая недальновидность, страсть, любопытство, самонадеянность и безответственность лежали в основе того, что зло, заключенное, скажем в ящик Пандоры, кувшин Алладина, различные саркофаги, скажем фараона Рамзеса, Хамурапи, Тимурлана вновь и вновь оказывалось на свободе. Мне также подумалось о том, что именно страх воскрещения ажыдара, то есть возвращения зла, а также нервное напряжение и разрушительная болезнь привели в те десятилетия и столетия кара-кулов к тому, что они потеряли интерес к своему будущему, став похожими на затравленных диких зверей.

Гапар-молдо продолжал: - Ак-киши-олуя поручил кара-кулам одного – тщательно охранять саркофаг. Пусть каждый из вас сделает свой выбор с отвагой и мужеством. Что бы ни случилось, я надеюсь, на вас и благословляю вас! Тогда, после этих слов мудреца кара-кулы впервые осознали всю тяжесть возложенной на них ответственности. И дали они тогда друг другу клятву: - «…если ты умрешь, успев послужить, то ответственность твоя перейдет на твоего сына, а затем на его сына, и так до конца». И ведь никто не задавался вопросом, кто я такой, чтобы принимать подобную ответственность? Смогу ли до конца соблюдать заклинание нашего аксакала? Наоборот, было видно их

решимость сделать так, как благословил их аксакал во имя благополучия рода людского.

Интересная легенда, – подумалось мне. – Почти как реальность. Значит с тех далеких пор Тегерек, насколько знаменитая, настолько же и загадочная. Грандиозная, монументальная, завораживающая, созданная, пусть так думают, не всесильной природой, а людьми. Действительно, вот она встреча мифа и реальности. Получается, что саркофаг Тегерек представляет собой на самом деле не что иное, как своего рода склеп для временного пребывания ажыдара, представляя собой нечто эмбриональный кокон или генетический сейф. С другой стороны, миф всегда базируется на какой-либо реальности. Такова природа мифа, – рассуждал я про себя. В этот миг я на минуту представил себя на вершине Тегерек. Я, как хишный паук, всматривающий новые жертвы для своей паутины, вижу огромный по ширине сай, по которой тысячами ручеек протекает Ак-суу, вычерчивая невероятные узоры по саю, а в аиле народ живет своей непростой, но счастливой жизнью.

Разумеется, во мне говорило мое впечатление от увиденного днем. Надо же, невольно я и сам уже оказывается искал артефакты ажыдара. Вот, что значит мифологичность и одновременно реальность содержания легенды о Тегерек, об ажыдаре, о героических предках кара-кулов.

- Многие, конечно же сомневаются, – продолжил Саттар-ава. - Легенда гласит, что в саркофаге находятся тело ажыдара, который еще подает признаки жизни. Такое осмысление судьбы ажыдара должна держать народ в тонусе, не успокаиваться, быть бдительным и решительным.

Вот он очередной артефакт древнего предания, - думалось мне. - Даже допуская, что ажыдар может быть мертв, нельзя не предугадать, что тело его может послужить неким генетическим кодом для воспроизводства нового зла. Во мне говорил не только потомок какр-кулов, но и биолог. В случае разрушения этого саркофага Зло может сотворить грандиозную беду для цивилизации.

В последние столетия на стенах восточной и южной стороны Тегерек появились глубокие трещины-расщелины, – включился в разговор Молдо-ава. – Это было около тридцати лет тому назад. Нишан – сын Карим-ава, в поисках своих коз забрел к подножью Тегерек и осмелился заглянуть в одну из его расщелин. Вскоре он почувствовал беспричинную тревогу и тоску, а спустя некоторое время потерял сознание, а очнувщись он стал отрешенным и потерянным. Ничего не помогло ему, ни лечение у докторов, ни молитвы, ни жертвоприношения, как советовали молдо. Спустя несколько дней он умер. Помнится тогда, мой отец говорил, возможно, он умер под действием злой энергии, исходящей из нутра саркофага. Так или иначе, появление трещины – это плохой признак, – задумчиво сказал Молдо-ава.

Нескрою то, что, слушая легенду, все мое нутро протестовало против наивности здешних людей. Как это? Гора не гора, а саркофаг?! Ажыдар мертв, но подает признаки жизни?! Гора-саркофаг может разрушится и тогда разразится драма и трагедия?! Наивно, конечно, если рассуждать в прямом смысле и интерпретировать на уровне традиционнного и бытового понимания. А если судить с позиции аллегорического толколвания о том, что ажыдар – это олицетворение зла, что зло никуда не исчезнет и не уйдет, что оно вечно и возврат-